

РУССКОЕ Слово

WWW.RUSLO.CZ

ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ
В ЧЕШСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК

90 лет

Исходу Белой армии
из Крыма
и окончанию
Гражданской войны

№ 10-11/2010
ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ

50 Kč

РЕКЛАМА
в газетах и журналах, на TV, в интернете. **подписка**

Интернет-БИБЛИОТЕКА (Полные оригиналы "бумажных" СМИ)

Газеты и журналы Европы

www.PressaRu.EU

ИНТЕРНЕТ-БИБЛИОТЕКА

Здесь каждый найдет, что почитать!

газеты и журналы Европы

более 1000 номеров

Также актуальный номер, архив -

РУССКОЕ СЛОВО

КЛАССИЧЕСКОЕ РУССКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЧЕХИИ

Гимназия с 1 по 11 класс   Экстернат   Детский сад с 2-х лет

10 лет в Праге

Летний лагерь для детей до 10 лет

- Углубленное изучение английского и чешского языков
- Полупансион с 9.00 до 17.00
- Кружки: музыка, рисование, каратэ, Break Dance
- Общешкольные мероприятия
- Возможность проживания детей в семье
- До 10 учащихся в классе
- До 15 детей в детском саду
- Закрытая территория

Гимназия «Диалог» располагает собственным учебным центром, состоящим из нескольких корпусов, детского сада, спортивных и игровых площадок; находится в экологически чистом месте (6 минут от метро Zličín)

Praha-západ, 252 19 Chrástany 14
tel/fax: +420 257 950 145, mobil: 602 842 390
e-mail: dialogschool@centrum.cz, www.dialogschool.cz

WWW.RUSSIANSHOP.CZ

POTRAVINY Z RUSKA
RUSKÝ PORCELÁN
SUVENÝRY
UMĚNÍ
VIDEO (DVD, VHS)
HUDBA (CD, MC, MP3, VHS, DVD)
KNIHY
ČASOPISY
NOVINY
LETENKY
SMĚNÁRNA

Торгово-культурный центр
"ARBAT"

Bubenečská 13, Praha 6 - Bubeneč
Tel/fax: (+420) 224 316 291
GSM: (+420) 603 166 298, 736 535 711
e-mail: info@russianshop.cz

ЗВОНИТЕ С МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА НА РОДИНУ И ПО ЧЕХИИ ВСЕГО ЗА 5,50 КРОН ЗА МИНУТУ

Решить жить и работать за границей – не просто. Вы уезжаете в страну, язык которой для Вас – большая неизвестная, и где Вас никто не понимает. Всё не так, как дома, и для того, чтобы сориентироваться, требуется некоторое время. Оттого и важнее поддерживать связь с семьей и друзьями в Вашей родной стране. Поэтому мобильный телефон, который всегда у Вас под рукой, – идеальное решение.

Ныне O₂ предлагает Вам **предоплатную карту O₂ «Да»**, с которой не надо следить, когда и куда звоните. **Всего за 5,50 крон за минуту Вы можете звонить днем и ночью как знакомым на другом конце света, так и родственникам за сотни километров от Вас.** И это не временные условия, Вы можете рассчитывать на них навсегда.

Выгодные мобильные звонки в Украину, Россию, Беларусь, Казахстан, Молдавию и страны Кавказа (в общей сложности 16 стран) по той

же цене, как и по Чехии, – ныне уже реальность. Не откладывайте контакт с семьей и друзьями до вечера или на выходные, когда попадете к своему компьютеру. Не стоит также волноваться, что Вы превысите свой бюджет. С O₂ «Да» звонки и SMS-сообщения всегда по такой же цене, как по Чехии. Минута звонка Вам обойдется в 5,50 крон, а отправление 1 SMS-сообщения – в 2,60 крон, причем в любое время суток, независимо от того, если это выходной или будний день.

Не ждите, пока настанет подходящее время, и сразу же поделитесь своими впечатлениями с семьей и друзьями на родине. Помимо этого Вы можете получить **бонус за каждое пополнение счета** и сможете воспользоваться такими привлекательными дополнительными услугами, как **Pokec na dlouho** или **Pokec na jednu**. Для получения информации о предложении O₂ «Да» посетите O2 магазины, выбранных партнеров или веб-сайт **www.o2da.cz**.

A *Telefonica* company

O₂

2 В Праге вспоминают ужасы советского ГУЛАГа
Куклы и люди

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

4 Путь из Крыма в Прагу:
как это было

НАША ГОСТИНАЯ

6 Историк Александр Зубарев
«Хлеба, воды, доктора, медикаментов...»

9 Историк Аркадий Чикин:
Максимова дача: Начнем с эпилога

12 Историк Валерий Крестьянников
Сухие книги фактов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

14 Севастопольский миф

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ

16 Детище Черноморского флота
Судьба севастопольской Морской библиотеки

ПРАЖСКИЕ ПРОГУЛКИ

18 «Под сенью Андреевского флага...»
Морские офицеры в Чехословакии

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

22 Второе крымское правительство

26 Добро пожаловать в крымскую
Вандею!

30 Личное письмо государственной
важности

34 Статьи Евгения Чирикова

ЛИЦА ГОРОДА

36 Меценат Алексей Шереметьев

38 Меценат Вадим Прокопенков

40 Фотограф Светлана Желток

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СЛОВО ДЕТЯМ

Колонка редактора

В ноябре 1920 года, ровно 90 лет назад, в Крыму произошло историческое событие, навсегда разделившее русскую нацию на две части: на иностранных и русских судах эвакуировалась большая часть Белой армии, а вместе с ней — множество гражданских лиц, спасавшихся от наступавшей армии большевиков. Эвакуация Добровольческой армии означала конец долгой и изнуряющей Гражданской войны, а для оставшихся в Крыму «недобитых буржуев» — начало страшного красного террора, о котором спасшиеся узнавали со страниц эмигрантских газет уже в Константинополе, Сербии, Болгарии, Чехословакии и других странах, куда их забросила судьба (точнее — куда удалось добраться).

Этот выпуск «Русского слова» посвящен крестному пути эмиграции и Севастополю — последнему островку старой России, той, что сохранилась лишь на рождественских открытках и в памяти эмигрантов и их потомков. Романтики в войне и эвакуации было мало, но удивительно (а может, так и должно быть?), что русские беженцы, едва сводившие концы с концами, оставались самими собой — чего стоит одна севастопольская постановка спектакля «Царь Эдип» с массовой из 300 человек!

Затем их ожидала одна «лотерея» за другой. Счастливы были те, кто, буквально при помощи локтей и колен, попали на одно из судов; счастливы были те, кто добрался до Константинополя, сумели устроиться там и получить желанную визу в европейскую страну; счастливы были те, кто добрался до Чехословакии, с благодарностью приняв помощь правительства молодой демократической республики.

Для нас важно знать этот путь эмигрантов 1920-х годов потому, что 80 % русской эмиграции в Чехословакии имело отношение к Добровольческой армии — только так мы сможем их лучше понять.

Попробуйте взглянуть на события тех лет глазами очевидцев.

Главный редактор
Анна Хлебникова

В Праге вспоминают ужасы советского ГУЛАГа

В пражской Славянской библиотеке 1 сентября открылась выставка «Память ГУЛАГа». Экспозиция представила литературную деятельность бывших политических заключенных. Книги изданы российским историко-литературным обществом «Возвращение». Часть из них была переведена на чешский язык и вышла в сборнике *Jen jeden osud*. В открытии выставки и презентации чешского издания принял участие основатель «Возвращения», в прошлом — заключенный одного из исправительно-трудовых лагерей Семен Виленский. В беседе «О свободе и несвободе в советском ГУЛАГе», состоявшейся в день открытия выставки, Виленский, частности, отметил, что в советском ГУЛАГе были люди, которые в любых условиях оставались независимыми. «Поэзия ГУЛАГа — это голос независимых людей», — подчеркнул бывший политзаключенный. Касательно современной России Виленский отметил: «Когда в 1990-е на улицах Москвы сотни тысяч людей требовали демократических реформ — это был подъем. К сожалению, сегодня для широких

слоев населения слово „демократия“ — почти ругательное». Однако, как пояснил Виленский, пусть небольшие, но положительные изменения в нынешней России есть. Например, часть изданий, опубликованных историко-литературным обществом, можно найти в библиотеках школ и университетов. «Студентам дают возможность узнать реальную историю, далекую от советской пропаганды. Учебные заведения взяли у нас 27 тысяч экземпляров книг, что является очень хорошим для России показателем», — заключил Виленский.

Интервью с Семеном Виленским читайте в следующем выпуске журнала «Русское слово».

редакция

Элеонора (Нора) Мусатова 1931 — 2010

коллекционеры Европы и США. Нора Мусатова училась в основном интуитивно, на примере отца. Наконец, окончательно решила, что продолжит семейную традицию, начала писать маслом и иллюстрировать книги. С начала 1970-х годов она освоила технику работы на стекле. Испытала все сложности в годы социализма. За интерес к ее творчеству со стороны американской галереи была исключена из Союза художников Чехословакии. Зарабатывала на жизнь переводами. После переворота 1989 года пришла сатисфакция, ее работы вызвали интерес, о ней появились публикации и интервью, искусствоведы заговорили о творчестве отца, и его имя вернулось широкой публике. В последние годы была организована выставка ее работ в Москве в Доме-музее М. Цветаевой. Нора Мусатова подарила музею портрет Марины Цветаевой, выполненный ею в технике масляной живописи. Она почтила своим вниманием наше общество, согласившись участвовать в «Форуме русских художников», проводимом «Русской традицией».

Имя Норы Мусатовой неразрывно связано для нас с судьбой русской пражской послереволюционной эмиграции. Выражаем соболезнование родным и близким.

Общество «Русская традиция»
Редакция журнала «Русское слово»
Участники Форума русских художников Праги

В возрасте 78 лет 9 октября ушла из жизни Нора Григорьевна Мусатова. Пражская художница Нора Мусатова происходила из известного художественного рода. Ее двоюродный дед — знаменитый художник Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов. Отец Григорий Алексеевич Мусатов юность провел в Самаре, в доме своего отца — иконописца Алексея Яковлевича Мусатова — и тоже стал художником. Молодой Мусатов отступал с Белой армией до Владивостока и прибыл с женой Верой в эмиграцию в Прагу, где родилась их единственная дочь Элеонора. Она выросла в творческой атмосфере отцовского дома, дружившего с литераторами и актерами, но не порывавшего связей и со своими земляками-эмигрантами. Картины Григория Мусатова уже в те годы приобретала пражская Национальная галерея, а также галереи и частные

Куклы и люди

Выставочного помещения в Доме национальных меньшинств не хватало, чтобы продемонстрировать коллекцию кукол в костюмах народов России в полном объеме. Из 130 экспонатов поместилось всего 90. Ожидаемый эффект был достигнут — в такой простой и наглядной форме был создан прецедент для того, чтобы сконцентрировать внимание зрителей на особенности национального состава РФ.

Выставку организовало общество «Русская традиция» при поддержке Министерства культуры ЧР, пригласив гостей из Москвы — некоммерческий фонд детских, молодежных, социальных инициатив «Развитие». Его пре-

Фото: Олег Воронов

зидент Александр Юрьевич Куньшин, советник председателя Совета федерации РФ, открыл выставку, поприветствовав директора Дома национальных меньшинств Роману Грабакову, представителей организаций национальных меньшинств и зрителей.

Куратор выставки Алла Кравцова рассказала о деятельности фонда, которая направлена, в первую очередь, на оказание поддержки детям-инвалидам и детям из онкологических центров, детям, больным туберкулезом. Некоторые задачи центр реализует через творчество. За прошедший год была сделана серия кукол в национальных костюмах. Авторы работ — студенты и школьники из больших и маленьких городов России: Москвы, Казани, Ростова-на-Дону, Грозного, Арзамаса, Ухты. Цель проекта — развитие толерантности, гармоничного сосуществования молодежи разных культур и вероисповеданий.

редакция

Наталья без Козлова: персональная выставка

Фото: Татьяна Китаева

Седьмого октября в галерее «Нора» состоялось открытие выставки Натальи Козловой. Об оригинальном творческом дуэте семьи художников Козловых уже писал наш журнал. Надо отметить, что до сегодняшнего времени все их выставки были совместными, хотя каждый позиционирует свой стиль и творческую манеру. В этот раз была подготовлена и представлена зрителям первая персональная выставка Натальи Козловой. Хотя акцент был сделан на творчестве Натальи, что было необычно и по-настоящему интересно, во всем ощущалась сила дружной семьи: Александр открыл выставку, на скрипке играла дочь Патриция — драгоценный монолит лишь повернулся к нам одной из своих граней.

Были представлены работы нескольких периодов, где можно проследить эксперимент

с цветом, изменение образного ряда, детальность заполнения пространства. Пожалуй, неизменным остается авторский прием с линией и своеобразностью рисунка, по которому работы всегда узнаются. В полотнах ярко проступает графическое решение, а объем и цвет расширяют игру воображения на заданной графикой основе для сюжетных ассоциаций. Безупречно была составлена экспозиция, что позволяло взглянуть на работы по-новому. При просмотре такого количества картин возникло приятное ощущение большого потенциала, неисчерпаемости и свежести авторского вдохновения. Мало кому из художников удается удержать коллекцию своих работ в столь полном и качественном состоянии. Обращаем внимание специалистов и любителей искусства на это событие русско-чешской художественной среды.

редакция

РУССКОЕ СЛОВО

Издание русской диаспоры в ЧР

РУССКОЕ СЛОВО № 10—11
Октябрь—ноябрь 2010

Издатель:

Ruská tradice, o.s.

Директор издательства:
Игорь ЗОЛОТАРЕВ

Главный редактор:

Анна ХЛЕБИНА

Редакция:

Марина ДОБУШЕВА

(зам. главного редактора),

Виктория РУЧКИНА (корректор)

Редакционный совет:

А. БАРАБАНОВ (Артек)

М. ДОБУШЕВА (Русская традиция)

И. ЗОЛОТАРЕВ (Русская традиция)

А. КЕЛИН (Русская традиция)

Й. КЛАПКА

(Чешская ассоциация русистов)

М. ОБМИНСКАЯ (Русская традиция)

А. РОЗОВ (АРОЧР)

В. РУЧКИНА (Русская традиция)

Ю. ФЕДОРОВ (Русская традиция)

Дизайн и верстка:

Татьяна КИТАЕВА

Распространение:

CZ Press, Transpress, Mediaprint

Кара Pressegross, на бортах

самолетов авиакомпаний РОССИЯ,

Аэросвит; FINEX corporation.

Типография: Tiskárna Libertas a.s.

Адрес редакции:

Vocelova 602/3, 120 00 Praha 2

тел.: + 420 221 419 830

e-mail: ruslo.redakce@gmail.com

www.ruslo.cz

Регистрация МК ЧР

№ Е 13956; ISSN 1214-1771

За содержание рекламы редакция ответственности не несет. Рукописи не возвращаются. Мнения редакции и авторов могут не совпадать. Издается с финансовой помощью Министерства культуры ЧР.

RUSSKOJE SLOVO

Periodikum ruské menšiny ČR

v ruštině. Časopis je vydáván

s finanční podporou Ministerstva

kultury České republiky.

На обложке:

На обложке: Памятник

затонувшим кораблям

Фото: Рустам МАТКАРИМОВ

ЭВАКУАЦИЯ.

ПРИКАЗЪ Правителя Юга Россіи и Главнoкомандующаго Рус- ской Арміей.

№ 3734.

Г. Севастополь.

Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан одновременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех тех, кто разделял с Армией ее крестный путь: семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить гибель в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разум пережить и одолеть русское лихолетье.

Генерал Врангель

...Сели мы на «Вальдек Руссо» около 11 часов <14 ноября 1920 года>, отошли же от Севастополя в 2 часа дня. В течение этих трех часов мы наблюдали посадку солдат на недалеко от нас стоявший «Саратов», огромный пароход Добровольного флота. Бесконечная серая лента тянулась по трапу снизу вверх. Каждому солдату разрешалось иметь в качестве багажа только один мешок. Лишнее на наших глазах сбрасывали в море. Вся эта многотысячная масса людей постепенно заполнила всю палубу. Люди стояли плечом к плечу. Я думал, что это временно, что их разместят по каютам. Но потом я узнал, что каюты были уже переполнены, и все эти люди так и доехали до Константинополя, стоя в страшной тесноте на палубе.

...Казалось бы, на русских судах условия эвакуации должны были быть более или менее одинаковы. Между тем, на одних пароходах были грязь, давка и голод, и лишний багаж сбрасывали в море. На других же были и вода, и провиант, и разрешали брать с собой все, что угодно. Позже, в Константинополе, я видел при разгрузке беженского багажа качающимися на лебедке гарнитуры мебели, клетки с курицами, дуговые электрические фонари. Все это везли запасливые люди в виде валюты. Но эта «валюта» занимала на иных пароходах так много места, что многие из желающих попасть на пароход не попадали на него. Если верны сведения константинопольской газеты *Presse du soir* о терроре в Крыму, то гибель тех, кто не мог уехать, целиком на совести этих не в меру заботливых о себе господ.

Из воспоминаний П. С. Бобровского, цитируется по книге «На чужой стороне», Л. Бобровская, П. Бобровский, Москва, 2007

Главнoкомандующий Русской арміей генерал П. Н. Врангель при эвакуации из Севастополя. 1920 г.

Севастопольский порт в дни эвакуации. 1920 г.

Население направляется на погрузку. Севастополь, 1920 г.

Прибытие в Константинополь эвакуированных из Крыма частей Русской армии (ноябрь 1920 г.)

...Крейсер «Генерал Корнилов», на борту которого находились уцелевшие офицеры Генерального Штаба Белой Армии и генерал барон Врангель, а также корабли средиземноморской эскадры адмирала Дюмениля, во главе с «Вальдек Руссо», ходившие под флагом французского военно-морского флота, которые также транспортировали беженцев, часть пассажиров высадили в Турции. Их было так много, что сосчитать не представлялось возможным.

Илиазд в работе под названием «Четыре взгляда на русских футуристов» написал о людях на этих кораблях: «На этих кораблях военные стояли на ногах, потому что отодвинуться, присесть или повернуться не было возможности. Эти люди, находящиеся внутри ограждений из пеньковых канатов, остались один на один со своей судьбой, их можно было считать приговоренными к смерти от голода и нехватки воздуха. И сейчас это видится настолько ясно, что я могу различить выражение на их лицах, чтобы не видеть этого, я хочу повернуться спиной, однако не могу этого сделать, я не могу оторвать глаза, мне тяжело было смотреть на эти жертвы, которые днями пребывали в пыточных условиях, в состоянии застывшего страха. Среди них были умершие, и они находились на том же объединившем их пространстве, где находились и те, кто еще не поддался смерти».

Якуп Кадри, описывая положение русских эмигрантов в статье «Русский обман», напечатанной в «Прогрессе», отмечает: «Зрелище грузовых пароходов, на которых в последние дни прибывают из Крыма русские переселенцы, самое страшное, самое катастрофическое, самое жалкое, от него волосы становятся дыбом. Когда один из этих пароходов вошел в пролив, и его можно было разглядеть вблизи, один мой товарищ заметил: „Я никогда не забуду страшную давку на этом корабле. Не знаю, в каком виде находились люди внутри, но снаружи они свисали гроздьями, люди были всюду — от якорных цепей до корабельной мачты. В каждой из малюсеньких шлюпок, расположенных по обоим бортам, сидело по пятьдесят—шестьдесят человек. Им ничего не оставалось, кроме как, не разжимая рук, удерживаться на палубе, чтобы не скатиться в море. Все они, потерявшие человеческий облик, выглядели как одна сплошная масса грязного тряпья“. В нашей памяти они запечатлелись как последние обломки еще вчера могущественной царской России, и вот на этих пароходах мы видели массу безымянных, бесформенных, унылых людей, вызывающих сострадание... Четыре дня они находились внутри парохода, висели гроздьями на канатах, цепях и мачтах без пищи и воды. Ради чего? Они и сами этого не знали. Ведь у них уже не осталось никаких воспоминаний, чаяний, мыслей, страхов и надежд».

...Нам думается, что самые правдивые сведения о количестве прибывших в Стамбул эмигрантов может предоставить сам генерал Врангель. Врангель, приглашенный на торжественный обед в клуб Стамбульского университета 4 января 1922 года, сообщил, что в ноябре 1920 года из Крыма в Стамбул эвакуировалось 135 000 русских беженцев, и число русских в Стамбуле достигло 167 000 человек, из них 69 000 беженцев было размещено в лагерях на острове Лимни, в Галладже и Галлиполи (Гелиболу). Опять же, со слов Врангеля, во французских лагерях в городе и его окрестностях было размещено 4488 человек. В Болгарии было отправлено 3840, в Румынию — 2000, в Грецию — 1742 человек. Англичане разместили 2000 человек в лагере в Тузле, 400 больных и раненых, а также еще 1800 человек были размещены усилиями русских организаций. 12 000 человек вернулось назад в Россию. В Стамбуле к 1922 году осталось 34 000 человек, еще 2140 — в Галлиполи.

Доцент доктор Тюлай Алим Баран.

Жизнь русских эмигрантов в Стамбуле в эпоху перемирия.
Отрывок из статьи — www.dk1868.ru

Русские дети-беженцы, Константинополь, 1920

Ночной дозор

Из студенческого сборника «В Прагу!», изданного в Константинополе в 1921 году с целью сбора средств на отправку нуждающихся студентов в Прагу

...И сказал Ян Гусс, подымая к лунному свету свое прозрачное бледное лицо:

— Слышишь ли, старый воин, легкий топот у ворот Золотой Праги? Будто идет толпа.

А старый Жижко приподнял морщинистой ладонью звякнувший шишак и сузил пристальные зрачки в лунную мглу.

— Слышу... Может быть, дружины швабов лязгают короткими мечами у наших ворот? Вот точно гул арбалетов.

— Нет. Там поют, и это гул пения. И наши напевы я слышу... А вот смех. И смех молодой, и смех наш.

Над высокими стрельчатыми колокольнями Праги, над черепичными крышами, над тяжкими бронзовыми конями королей Вацлава и Буревоя, что спят, опустив забрала и вбив глубоко в стремяна каменные остроносые башмаки с загнутыми шпорами, — идут под ночным небом своим дозором над Золотой Прагой старый воин Жижко и бледный учитель Ян Гусс — старый ректор старого пражского университета.

— Я их вижу, — говорит старый Жижко. — Идет толпа молодежи. Там есть и девушки. Молодежь русая, с северными глазами, как мои верные Стахи — молодые копейщики.

— И я вижу, — улыбается Гусс. — Это толпа школяров из Московии. Они пришли к нам добывать науку в мой старый университет.

— Школяры московиты, знаю, знаю, — забормотал старый Жижко и низко и сумрачно надвинул на сивые брови кованый шлем. — Знаю, они идут с пожара. Видим мы непотухающее зарево их земли...

— Они пришли из крови, — сказал и Гусс. — Их немного добралось до нас. За каждым из них тысячи погибших на страшной войне. За каждым из них скорченные смертельной мукой руки таких же, как они, что сгорают и гибнут на костре их жадной земли.

— За каждым из них стон матерей, у которых иссохли груди от голода, груды молодых трупов, дымные развалины городов, черная гарь школ и церквей... Знают ли они, что за каждым из них тысячи тысяч тех молодых, что погибли, но что прилетят и сядут рядом с ними на наших школьных скамьях, шелестя страницами...

— Знают, знают, — тихо сказал Ян Гусс.

— Ну, тогда — добро пожаловать, молодые московские школяры.

И старый Жижко опер железные перчатки на звякнувший меч и вновь стал смотреть на дальний край неба, где дышала и зыблилась багровая мгла зарева.

Иван Лукаш*

*Иван Лукаш (1892—1940) — прозаик, поэт, драматург, литературный критик, журналист, художник-график, иллюстратор собственных текстов. В 1918—20 гг. в Добровольческой армии. После эвакуации из Крыма жил в Константинополе, Галлиполи, Тырново, Софии, Вене, Праге, Берлине, Риге. Сотрудничал со многими русскими эмигрантскими изданиями, написал несколько романов. Умер в Медоне под Парижем.

Историк Александр Зубарев

«Хлеба, воды, доктора, медикаментов...»

Александр Андреевич Зубарев — полковник медицинской службы запаса, директор медицинского музея военно-морского клинического госпиталя имени академика Н. И. Пирогова в Севастополе. Сфера его деятельности связана с историей Черноморского флота, его учреждений, среди которых, бесспорно, главное место принадлежит военно-морскому госпиталю ЧФ. Он автор ряда исторических публикаций, ответственный секретарь журнала «Вестник морского врача», один из главных организаторов Памятных дней, посвященных 90-летию Исхода.

Девяносто лет исхода армии Врангеля — это событие заставило многое передумать и перечувствовать, эта дата явилась поводом попробовать соединить нити изгнания и рассеяния. Мое отношение к истории России 1920-х годов менялось постепенно, чем дальше и глубже у меня была возможность общаться с потомками белых воинов, русских эмигрантов, изгнанников. Эта среда людей отличается не только чистейшим русским языком, но строгостью принципов, последовательностью поступков и особым отношением к России. Я искренне дорожу тем, что имею возможность приобщиться к духу и атмосфере дорогих моему сердцу домов, где на стенах среди скромной обстановки вижу портреты государя императора, офицеров в царской форме и красивых породистых внуков, чаще не имеющих русских имен. Принесет ли Россия покаяние перед русской эмиграцией, воссоединится ли нынешняя с наследием безбольшевистской? На эти вопросы нет ответов. Пока предлагаются меры «примирения». Когда я рассказала одной знакомой о «Памятнике примирения» в Севастополе (это простой камень, одна половина которого выкрашена в белый, другая красный цвет), то она расценила это как «попытку примирить Бога с дьяволом». Однако времена должны были бы измениться, и эту тему для исследователей-историков никто не может закрыть или запретить, так же как никто не может запретить потомкам белой эмиграции поклониться тем местам, которые стали для их семей последней трагической точкой разрыва с родиной. Многие надеются, а другие боятся, что расставленные на места ценности, пополненные страницы истории изменят общественное сознание.

Главным событием нашей командировки в Севастополь стала встреча с организатором Памятных дней, посвященных 90-ле-

тию завершения революции и Гражданской войны 1917—1920 годов, историком Александром Андреевичем Зубаревым. Он пригласил нас приехать в музей военно-морского госпиталя, директором которого является. В этой скромной по размерам и набитой до отказа комнатке, как в старой шкатулке, оказались рядом вещи, несоразмерные по их значению и ценности. Но Александр Андреевич уже кое-что сделал для изменения пропорций и содержания экспозиции. Мы говорили и о темах его научного интереса, в частности, истории морской госпитальной службы и более широких. Все это отражается в печатном издании «Вестник морского врача», которое курирует Зубарев. Его участие в этом проекте ответственное. А это мы поняли, когда в кабинете нам было предложено присесть на стопки книг свежего тиража — по-другому было и не втиснуться.

— *Военный госпиталь как подразделение армии эвакуировался в 1920 году?*

— Да, об эвакуации госпиталя написаны очень интересные воспоминания. Их автор — сын морского врача Ростислав Дмитриевич Сазонов, который в 1920 году был курсантом военно-морского училища в Севастополе и вместе с семьей погрузился на госпитальное судно «Кронштадт». Он подробно описывает, как грузились на корабль, как шли. Как молодой человек, он воспринимал все чувствительно и контрастно, например, его строки, описывающие прибытие в Константинополь: «Как не вязался внешний вид наших обшарпанных кораблей со сказочной красотой Босфора и Золотого Рога! Между бросающими якоря серыми и черными громадами сновали щегольские катера. Одетые с иголки иностранные моряки, покуривая трубки, с интересом разглядывали толпившихся вдоль бортовых перил странных заморских гостей; так в зоологических садах смотрят на диких зверей. На многочисленных корабельных мачтах появились сигнальные флажки: «хлеба», «воды», «доктора», «медикаментов» — все это было необходимо в первую очередь».

— *Можно лишь предполагать, что среди общего бедствия помощь врача была необходима многократно больше.*

— Общее число эвакуированных из Крыма было приблизительно 140 тысяч человек, из которых около половины составляли военнослужащие. Больных и раненых было вывезено до семи тысяч человек. Кроме того, в связи с тяжелыми условиями эвакуации и длительной стоянки судов в бухте Моде, появилось много новых заболевших тифом, гриппом, простуженных. На санитарную часть военных контингентов Белой армии легла забота обслуживать многочисленные суда, а потом и все гражданские и военные лагеря в Константинополе. Потом, после расселения по странам, управление санитарной части было переведено в Софию, а помогали учреждения Красного Креста, Всероссийского Земгора при ближайшем содействии Американского Красного Креста и Французского командования. Для обеспечения привезенных больных и раненых французским командованием было обеспечено 6 866 мест, англичане предоставили 100 мест, американцы — 120. Адмирал Де Бон отдал приказ, по которому в плавучие госпитали были обращены суда «Ялта», «Цесаревич Георгий» и «Румянцев». В Константинополе непосредственно русскому Красному Кресту принадлежали госпитали Святого Николая на территории русского посольства, со штатной вместимостью 180 коек, и «Ильдиз» на 300 коек. Действовали приемные покои Красного Креста в лагерях Тузла, Буюк-Дере, на острове Халки, амбулатории в Константинополе, санатории на берегу Босфора, детский пансион-санаторий в Бебеке — он занимался выхаживанием грудных детей, родившихся в тяжелейших условиях эмиграции или брошенных своими родителями. По данным, собранным в 1921 году, в Константинополе находилось более двух тысяч русских инвалидов и увечных, более 800 из них нуждались в постоянном уходе. Об этом вышла у нас в сборнике весьма подробная статья «Верность клятве Гиппократ. Деятельность медицинских чинов Черноморского флота в 1920—1925 гг.», которую мы подготовили в соавторстве с начальником военно-морского госпиталя им. Н. И. Пирогова Александром Степановичем Осадчим.

— *Наверное, эвакуировался не весь состав госпиталя. Какова судьба врачей, примкнувших к красным?*

— Во время Октябрьского переворота и в период революционной неразберихи личный состав госпиталя продолжал принимать всех раненных и больных. Большинство медицинских работников старались сохранить от хаоса и разрушений помещения и оборудование госпиталя. Имена этих людей нам сейчас хорошо известны. В ноябре большинство из них в составе армии генерала Врангеля покинули город. В официальной пропаганде о врачах-предателях, покинувших Севастополь, вообще ничего не писалось. Оставшиеся в Севастополе медицинские чины были частично уничтожены и репрессированы. Тем, кому удалось уцелеть, пришлось перейти на работу в гражданское здравоохранение, так как госпиталь практически перестал существовать. И лишь в 1923 году появился первый советский штат госпиталя. Однако репрессии настигли «бывших» в 1930 и 1937 годах, а потом по «Делу врачей».

— *Среди медицинской эмиграции времен Гражданской войны были сестры милосердия и женщины-врачи?*

— Таких материалов собрано очень много. Доктор Борис Николаевич Александровский, который 15 ноября 1920 года эвакуировался с войсками Белой армии из Севастополя на пароходе «Херсон», оставил записи, что на кораблях убывали в изгнание около трехсот врачей и свыше тысячи сестер милосердия.

В 1914 году последовало Высочайшее повеление о назначении на флот первых женщин-врачей. Ими были Александра Михайловна Скалон и Людмила Сергеевна Монастырева, работавшая младшим ординатором в Севастопольском морском госпитале. Она эвакуировалась из Севастополя при приближении красных, но не на госпитальном судне «Кронштадт», а с мужем на подводной лодке «Утка», вместе с женами других офицеров. 17 ноября подводная лодка «Утка», снявшись с якоря на Северном рейде, навсегда покинула Севастополь. Потом супруги Монастыревы оказались в Бизерте, где Людмила Сергеевна была судовым врачом на линейном корабле «Георгий Победоносец». К слову сказать, именно во время стоянки в Бизерте Нестор Александрович Монастырев в 1921 году начал издание русского зарубежного журнала «Морской сборник». Супруги одними из первых приняли французское гражданство, сразу после признания Францией СССР. Людмила Сергеевна получила право на практическую деятельность в качестве правительственного врача в Тунисе. Французы ее удостоили медали «Медаль Эпидеми» и Академической медалью за успешную медицинскую и общественную деятельность. За врачебную деятельность она была удо-

Монастырева Л. С.
30-е гг. Тунис

Б. Л. Яхнин

стоена одной из высших наград Туниса — орденом «Командора Нишан Ифтикара». До сих пор в городе Табарке действует поликлиника, открытая по инициативе замечательной русской женщины.

— *Есть ли в Ваших исследованиях герои, чья судьба связывает Севастополь и Прагу?*

— Могу сослаться на профессора Васильева из Сумского государственного университета, который проследил биографию Бориса Леонидовича Яхнина. Яхнин родился в Витебске и был студентом медицинского факультета Донского университета. В годы Гражданской войны в армии генерала Корнилова был три раза ранен. В составе Симферопольского полка эвакуировался из Крыма. В связи с тем, что Чехословакия в рамках Русской акции помощи предоставляла возможность студентам высших учебных заведений продолжить учебу, он получил возможность уехать в Прагу, где учился на медицинском факультете Карлова университета. В Праге Борис Яхнин был членом Союза русских студентов, женился на чешке Марии Коларжовой, у них родился сын Борис. В 1931 году он получил диплом врача, в следующем году — чехословацкое гражданство, и открыл частный прием в Праге. Тут он уже вступил в Союз русских врачей, где был товарищем председателя. Союз издавал на русском языке журнал «Русский врач в Чехословакии». Редакция этого журнала была в квартире доктора Яхнина. С приходом немцев в 1939 году он как еврей лишился возможности заниматься врачебной деятельностью. А в 1942 году оказался в концлагере Терезин, где работал школьным врачом. В 1943 году его транспортировали в Освенцим, где он погиб в газовой камере. Его имя значится на памятнике жертвам Холокоста в пражской Пинкасовой синагоге.

— *С какого времени Вы издаете журнал «Вестник морского врача» и какова его тематика?*

— По инициативе Общества морских врачей и медицинской службы Черноморского флота РФ, первый номер вышел в свет в 2007 году. На сегодня издано семь номеров. В нашем журнале вы найдете много самой разной информации, потому что мы стараемся писать не только на медицинскую тему. Много матери-

алов нам предоставляют местные краеведы-историки. Благодаря этой работе, я налажил контакты со всеми морскими обществами за рубежом, получаю много материалов, воспоминаний, ценных фотографий. Только регион Чехии и Словакии нам не приходилось исследовать. Но, надеюсь, это произойдет с помощью вашего журнала. Пусть читатели «Русского слова» также знают о том, что вы любезно взялись доставить полный комплект нашего журнала в Славянскую библиотеку, и теперь к нему и в Праге есть свободный доступ.

— *Расскажите о ноябрьских мероприятиях, посвященных 90-летию Исхода.*

— У нас сформировался хороший инициативный коллектив — директора предприятий, сотрудники архивов, историки. Все мы заинтересованы в том, чтобы все прошло интересно и полезно для нас и гостей. Конечно, не все идет гладко и с пониманием в самой подготовке. Например, в планах мероприятия была реконструкция парада генерала Врангеля. Мы планировали построить Белые войска на площади Нахимова и актер театра в роли барона Врангеля должен был пройти вдоль войск. Но если бы вы знали, какая негативная и бурная реакция последовала от горожан. Они писали письма в городскую газету, возмущались тем, что эти отщепенцы и белобандиты будут стоять на их площади. Вообще хочу заметить, что население Севастополя очень специфично, оно сформировалось за счет высших военных чинов, которые рвались приехать в Севастополь на пенсию. Их статистическое количество тут зашкаливает. Они носители определенной ностальгической идеологии. Коммунисты вопют: «Не допустим этого всего!», «За что мы воевали?». Существует такая проблема. Я как врач, когда общаюсь с такими людьми, стараюсь относиться к ним бережно, их уже не поменяешь. Сейчас доказывать им другое и говорить, что жизнь они прожили зря, не приходится. С другой стороны, они такие политизированные и ограниченные. Но генеральная политика Севастополя тоже, в определенном смысле, тормоз, здесь много нюансов. С помощью вас и других мы это как-то меняем.

На мероприятия не будет бюджетной поддержки. Дорога, питание и проживание — за счет гостей. Но для европейца это привычно — каждый решает участие в конференции или мероприятиях сам, сам несет расходы. Это на Украине к такой постановке вопроса не привыкли. Могу сказать, что многие хотят приехать и увидеть те места, с которыми связана история их семьи, многие хотят выступить.

Нина Михальчевская

Фото: архив журнала «Вестник морского врача»

Ген. А. П. Кутелов, члены штаба и часть персонала Госпиталля, Горд Плевен, 1922 г.

Историк Аркадий Чикин

Максимова дача: Начнем с эпилога

У некоторых исследователей-историков нам довелось видеть книги Аркадия Чикина. Купить не удавалось, хотя мы обошли все книжные в центре Севастополя. «Продана, продана, вы же понимаете — тираж 500 штук». Книги Чикина оказались привлекательны для многих. У него редкий дар слова (пишет книги по истории и фантастические приключенческие романы), поэтому даже известные факты вас захватывают эмоционально. Держа в руках сборник документов «Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.», подаренный нам директором севастопольского архива, мы продолжаем упорно искать книгу «Севастопольская Голгофа» Чикина на ту же тему. И наконец, получив книгу на пару дней в библиотеке, понимаем, почему автора так ревнуют корифеи-историки. Текст яркий, выпуклый, объемный, картины событий возникают перед вами как живые. А еще — это очень совестливое, страдающее повествование, но не плакатное, а идущее от души к душе. Эта книга вторгается в ваши ценности, лишает покоя.

Мы должны с этим человеком пройти вместе по тем тропинкам, по которым он ходил, когда писал свои книги. И маленькое чудо происходит, он соглашается: «Встречаемся на Максимовой даче. Только предупреждаю: будет тяжело».

Маршрутка притормаживает на повороте, и мы идем по асфальтовой дороге к заповеднику, памятнику архитектуры и паркового искусства, который раньше был просто загородным домом городского головы Севастополя Алексея Андреевича Максимова — это и есть Максимова дача. Мне неловко, но рука тянется к фотоаппарату, на что Аркадий Михайлович обреченно вздыхает: «Фотографируйте, эта помойка — документ варварского разрушения...». А через пару шагов открывается такая красота, что не верится: «Максимову дачу за красоту парка называют „севастопольской Францией“, — сообщает наш проводник. — Но сейчас это определение вряд ли соответствует состоянию более чем на 95 процентов потерянного для нас памятника».

Когда Максимов купил этот участок, он был самым состоятельным человеком в Севастополе и задумал большое строительство. На ста гектарах он принялся создать уникальный парк, возвел большую усадьбу, разбил виноградники. Вместе с архитектором они придумали и разработали несколько каскадов прудов, подземные потерны, декоративные бассейны. Для хозяйственных нужд тут были конюшня, баня, теплица, скотный двор, оранжерея, кузня. Когда все было завершено, сюда была завезена плодородная земля и разбит парк из редких растений и кустарников, прижился и уникальный сорт винограда на склонах.

Ландшафт меняется, по живописной дорожке мы спускаемся в долину. Трава. Крымская, выжженная, дикая. Трава.

— Тут были массовые расстрелы белогвардейцев и жителей Севастополя. В парке расстреливали офицеров и зажиточных севастопольцев. Расстреливали из пулеметов. Это были страшные дни, недели, месяцы... После казни красноармейцы вваливались к бывшему виноделу купца Максимова и просили у него вина, а ночью из комнат, где они спали, слышались крики, всхлипания, команды и вопли. Один из таких людей, переживший страшное потрясение, рассказал, что на поляне вместе с группой офицеров они расстреляли и одного из сыновей Максимова. Перед смертью «бывший хозяин хутора страшно ругался и даже бросил в расстрельную команду камнем». Смерть витала над Максимовой дачей страшным покрывалом. И ни одна братская могила этих лет сегодня не вскрыта. В советское время на эту тему был наложен запрет. Русский историк и политик Сергей Петрович Мельгунов, автор первого в эмиграции научного анализа истории Февральской, Октябрьской революций и Гражданской войны писал, что в Крыму наиболее активно казнили в Севастополе.

— Да, но теперь можно видеть только эту лужайку... Я смотрю на нее и не верю своим глазам. А еще тут загорает молодежь, семья с коляской, ребенок бежит под деревом, козы жуют эту траву...

Чикин Аркадий Михайлович (1955) — военный летчик, офицер запаса. Доцент Севастопольского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член Союза писателей России. Автор 14 книг и около 200 статей по истории, политологии, подводному плаванию. Лауреат ежегодной национальной премии РФ «Культурное наследие» за активную краеведческую и издательскую деятельность по популяризации архитектурного и исторического наследия г. Севастополя.

— 15 ноября 1995 года недалеко от Максимовой дачи было освящено место возведения будущего памятника всем казненным в те годы. Мероприятие было проведено в рамках Недели памяти, посвященной 75-летию окончания Гражданской войны. На месте будущего монумента была залита бетонная площадка и поставлен камень с прикрепленной табличкой. Проект разработала группа специалистов под руководством архитектора Георгия Григорьянца. Памятный знак был задуман в виде величественного креста, стоящего рядом с двумя плитами, красной и белой, — как символ примирения. И... на этом все кончилось. Место превратилось в свалку мусора.

— **А что же делалось тут все предыдущие годы?**

— Сначала Максимова дача для репрессивного аппарата советской власти представляла большой интерес. Репрессии про-

должались в Крыму и Севастополе вплоть до 1924 года. Запросы, направленные в архив КГБ в первой половине 1990-х годов по поводу характера деятельности компетентных органов на территории усадьбы, остались без ответа. Единственное, что стало известно — это образование на даче колонии беспризорников. Она просуществовала очень недолго. Но, по свидетельству современников, урон зеленым насаждениям парка дачи был нанесен серьезный. В 1929 году на даче была создана сельхозкоммуна «Безбожник». Самих коммунаров было 150 человек. Они были привезены из деревень Тверской губернии. В 1935—37 годах на территории Максимовой дачи, во внутреннем дворе усадьбы, было построено здание санатория кораблестроителей в стиле конструктивизма. На дачу Максимова ехали с разных концов необъятного Советского Союза.

— **Ваша книга «Севастопольская Голгофа: Севастополь — жизнь и смерть офицерского корпуса императорской России», изданная в 2005 году символическим тиражом в 500 экземпляров, весьма подробно описывает события красного террора в 1917—1921 годах. В чем бы она могла быть полезной и важной для наших современников, для севастопольцев в частности?**

— Книга могла бы помочь выработать критическую оценку к реалиям окружающего мира. В книге говорится, например, о Николае Арсеньевиче Пожарове, секретаре Севастопольского горкома большевистской партии, который несет личную ответственность за массовые расстрелы офицеров в Севастополе. А между тем, уже много лет его имя носит одна из севастопольских улиц.

А вот «послужной список» Надежды Островской. Евпатория, 18 января 1918 года. На рейде стояли гидрокрейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». Офицеры выходили поодиночке, разминая суставы и жадно глотая свежий морской воздух. На обоих судах к казням приступили одновременно. Светило солнце, и толпа родственников, жен и детей, столпившихся на пристани, могла видеть все. И видела. Но их отчаяние, их мольбы о милосердии только веселили матросов. За двое суток казней на обоих кораблях было уничтожено около 300 офицеров. Некоторых офицеров сжигали живьем в топках, а перед убийством мучили 15—20 минут. Несчастным отрезали губы, гениталии, иногда руки и бросали в воду живыми. Семья полковника Сеславина в полном составе стояла на пирсе на коленях. Полковник не сразу пошел на дно, и с борта корабля его застрелил матрос. Многих полностью раздевали и, связав руки и оттянув к ним голову, бросали в море. Тяжело раненного штаб-ротмистра Новацкого после того, как с него сорвали присохшие к ранам кровавые бинты, заживо сожгли в топке корабля. С берега за издевательствам над ним наблюдали жена и 12-летний сын, которому она закрывала глаза, а он дико выл. Казнями руководила «худенькая и стриженная дамочка» Надежда Островская, которая подписывала смертные приговоры и в Севастополе. Улица Надежды Островской в славном большевистском городе Севастополе расположена между кинотеатром «Россия» и 35-й школой, по соседству с улицей Гавена.

— **Известно, что в Крыму красный террор отличался особой жестокостью, патологическим зверством...**

— 29 ноября 1920 года в Севастополе на страницах издания «Известия временного Севастопольского ревкома» был обнародован первый список казненных людей. Их число составило 1634 человека (278 женщин). 30 ноября опубликован второй список — 1202 казненных (88 женщин).

По данным издания «Последние новости» (№ 198), только за первую неделю после перехода Севастополя в руки красных расстреляно более восьми тысяч врангелевцев. Среди этих несчастных были не только военные, но и чиновники, а также немало людей, имевших высокий социальный статус. Их не только расстреливали, но и топили в севастопольских бухтах, привязав к ногам камни.

А вот воспоминания очевидца: «Нахимовский проспект уезжан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улице и тут же наспех казненных без суда. Город вымер, население прячется в погребах, на чердаках. Все заборы, стены домов, телеграфные и телефонные столбы, витрины магазинов,

вывески — оклеены плакатами „Смерть предателям“... Офицеров вешали обязательно с погонами. Невоенные большей частью болтались полураздетыми». Расстреливали больных и раненых, молоденьких гимназисток — сестер милосердия и сотрудников Красного Креста, — земских деятелей и журналистов, купцов и чиновников. В Севастополе казнили около 500 портовых рабочих за то, что они при эвакуации обеспечивали загрузку на корабли врангелевских войск.

Приведу также свидетельство, опубликованное в православном вестнике «Сергиев Посад»: «В Севастополе жертв связывали группами, наносили им удары сабель и револьверами тяжкие раны и полуживыми бросали в море. В Севастопольском порту есть место, куда водолазы отказывались спускаться: двое из них после того, как побывали на дне моря, сошли с ума. Когда третий решился прыгнуть в воду, то, выйдя, заявил, что видел целую толпу утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. Среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами подымал руки, как будто произносил ужасную речь». Красный террор в Крыму начался еще в 1917 году и свирепствовал, постоянно сопровождая пребывание большевиков на этой территории. Население не питало иллюзий относительно того, что его ждет с приходом Красной армии. По мнению участника взятия Крыма командарма 2-й Конной армии Ф. Миронова, «13 ноября полуостров Крым в величайшем молчании принимал красные войска, направлявшиеся для занятия городов: Евпатории, Севастополя... Феодосии, Керчи».

— **Как же быть с этими фактами, если новое поколение о них и знать не хочет? То же касается и осмысления более близких событий Второй мировой войны... Как быть с памятью? Как можно создать новую, очищенную реальность в их душах?**

— Здесь должен быть комбинированный подход. Нужно обязательно почитать ветеранов, потому что молодежь воспитывается и на их прошлом. Согласитесь, ведь эти люди не виноваты ни в сталинском режиме, ни в репрессиях, но молодежи надо говорить только правду. То есть уже те, вновь открывшиеся обстоятельства, на которые некоторые люди, к сожалению, не хотят смотреть объективно. Нужно говорить правду, потому что им дальше строить эту страну.

— **Каким было отношение к режиму большевиков у вас в семье?**

— Мой отец возглавлял партийную организацию крупнейшей железнодорожной станции в Самарской области. Он имел свой переходной вымпел «Лучший машинист узла» и получал его ежегодно. Он был 15 лет депутатом областного совета, убежденным коммунистом, но когда наступил 1989 год, когда говорить начали много, писать много, я, приезжая, видел вокруг него стопки газет, стопки журналов — он читал все, он видел, как открывается совершенно другая страна, совершенно другая история, а не то, ради чего он жил всю жизнь. И наступила катастрофа.

Однажды я приехал к нему, и он завел об этом разговор, а я произнес страшную фразу: «А что если завтра что-то случится и не станет в стране коммунистов...» Для него это был такой сильный удар... И вот если мы сейчас этим людям будем вот так обо всем говорить в открытую, прямо, считайте, ставить их к стенке — они будут умирать. В том обществе есть свои прелести, о которых мы сразу забыли и объявили это ненормальным. Мы очень многое потеряли в советском обществе. Да, там были преступления, там были страшные преступления. Нам надо было взять хорошее, а мы все уничтожили по старой формуле, как 1917-м, 1920-м, и строим какой-то непонятный новый мир. Мы же все разные, хотя живем в одной Европе — словаки, немцы, французы. У нас существует специфика, менталитет, своя история, у нас свои ценности — это обязательно надо учитывать. Но однажды философ сказал: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки». Это ключевая фраза того, о чем мы сейчас говорим.

...Мы возвращаемся к городской дороге. Маршрутка забирает нас, и повседневность никак не может вступить в обычные пра-

Дочери А. А. Максимова около мраморного столика на даче

Семья А. А. Максимова в усадьбе

ва. А ехать надо. Надо и продолжать работать, и продолжать жить, и воспитывать детей. Вечером я заглядываю в интернет и читаю, что написал Аркадий Михайлович в открытой всему миру переписке с читателями на форуме:

«Я иду по кладбищу, где лежат брошенные властями, не способные себя защитить, мертвые граждане Севастополя. Вокруг запустение, разбитые памятники, исчезнувшие таблички, обезличенные склепы и аккуратно сложенные штабелем могильные решетки, подготовленные к сдаче на металлолом. Становится страшно и горько. Страшно за то, что наши дети, видя, как власти предрежащие и варвары XXI века глумятся над могилами своих соотечественников, точно так же поступят с нами, пока еще живущими».

Татьяна Казакова

Историк Валерий Крестьянников

Сухие книги фактов

Валерий Васильевич Крестьянников родился в 1944 году в небольшом городке Приморского края в семье военнослужащего. С 1946 года живет в Севастополе. Школа, армия, институт по призванию. Мечтал поступить и поступил на исторический факультет Харьковского государственного университета. Работал в музее, сначала рядовым сотрудником, потом по карьерной лестнице вверх до заместителя директора по научной части Музея героической обороны и освобождения Севастополя. С 1998 занимал кресло директора Государственного архива Севастополя. Теперь на пенсии, «свободный художник». В 2006 году награжден почетной грамотой с вручением знака «За заслуги перед городом-героем Севастополем», в 2008-м присвоено звание «Заслуженный работник культуры Украины». Автор нескольких книг по истории города и свыше ста научных публикаций

Ссылка на Крестьянникова в любом разговоре на тему истории в Севастополе, похоже, считается хорошим тоном, на него ссылаются не как на человека, а прямо как на источник. Хорошая репутация для профессионала. Тем более мы стремились к знакомству.

Валерий Васильевич пришел на встречу аккуратно ко времени, к долгой беседе не расположился, хотя человек с его кругозором может быть интересным собеседником наверняка. Его манера держаться — энергичная, непоседливая, с независимо заложенной в карман рукой. Наоборот, не мы, а он начал с вопросов, и мне даже показалось, сейчас вот-вот скажет: «Давайте сюда вашу зачетку». А зачет мы пока не сдали — то есть в Панораме, архиве, бастионе, издательстве к тому времени еще не были. Мы поняли, что жарой и сменой климатических поясов нам не оправдаться, и легкий на подъем, как пилигрим, он уже тащил нас в гору к Панораме наверх стывающее. За что — огромная благодарность: ну кто тебя в Европе будет направлять, сопровождать, знакомить. Так получилось, что многое важное для нас мы узнали с его подачи и при непосредственном участии. А в кабинеты он тоже любит входить, как начальник, и «требовать зачетку».

Познакомившись с его публикациями, я в очередной раз убедилась, что историк — это особенная профессия. Если писатель, журналист или рассказчик тщательно подбирает слова, чтобы правильнее передать оттенок или нюанс повествования, то в работах Валерия Крестьянникова все наоборот — слова-оттенки тщательно убраны. Тексты напоминают кирпичную кладку, где поэзия не в разнообразии решений, а в четкости линий. Но вместе с тем, меня удивили эти тексты. Там, где идет подбор фактов-цитат, количество источников дает прекрасное стилевое разнообразие, а хорошо выверенная пропорция текстов строит ткань времени и картину мира. Сухие книги фактов Крестьянникова для меня были готовым киносценарием тех событий, о которых шла речь. Фрагмент хроники по теме нашего номера мы дадим в конце, а на несколько принципиальных вопросов Валерий Васильевич нам ответил, правда, достаточно лаконично, что говорит еще раз о внутреннем порядке, определенности и дисциплине этого человека.

— Как изменилась роль историка после того, как наука избавилась от влияния официальной советской идеологии?

— Историческая наука всегда испытывает чье-то влияние, все зависит от точки зрения руководства государства, его идеологов и добросовестности самих историков. Всегда найдется политический заказ и исполнители. За примерами далеко ходить не надо — взять хотя бы историческую науку на Украине, совершившую за последние пять—шесть лет несколько неожиданных поворотов.

— Какие Ваши личные переживания связаны с тем, что вскрылась другая история большевизма в России?

— Да в принципе, их и не было. Еще в университете преподаватели нас учили не зубрить даты и факты, а осмысливать причины и следствия событий.

— Какой вред наносят обществу закрытые архивы?

— Закрытые фонды в архивах времени СССР были двух видов — несущие государственную тайну и умалчивающие факты, не выгодные строю. Мы сейчас говорим, скорее, о документах из второй категории, которые мы увидели относительно недавно. Ведь только после 1985 года стали доступны документы по Белому движению, материалы вывезенного в 1945 году в СССР из Праги Русского заграничного исторического архива. Позже стали доступны документы по репрессиям. Но вместе с тем, стали возможны политические спекуляции. Взять тот же Голодомор на Украине — его пытаются представить геноцидом украинского народа, хотя общеизвестно, что процент погибших от голода в России и Белоруссии был выше.

— Как донести историю фактов, а не историю-идеологию до общества?

— Прежде всего, необходимо накопление фактов из документальных источников, осмысливание их и публикация в научных и популярных изданиях, а также в интернете.

— Меняет ли работа историка по установлению точных событий и фактов что-то в жизни общества? Понимаю, что теоретически — да, но как это получается на практике?

— Конечно, влияет и на практике, но опосредованно и не сразу, влияние любого исследования растянуто по времени. Каждый добросовестный историк в результате накапливает материал для осмысления обществом.

— Какая Ваша любимая научная тема?

— Правильнее было бы сказать во множественном числе — любимые темы. Это Севастопольская крепость в 1850-е годы, 1920 год, революционные события и Гражданская война. Мне они интересны своей яркостью, тем, что в экстремальной ситуации резко обостряются взаимоотношения между различными слоями населения, отдельными личностями, четко проявляются идеи и характеры.

— Испытываете ли Вы ностальгию по прежним временам? По царской России или советской?

— Не испытываю ни в коей мере, надо жить и работать в реальности.

— За что Вы любите свою работу?

— Я с детства хотел стать историком и, став им, не разочаровался — это познания, открытия, пусть и маленькие, а также, конечно, общение.

Нина Михальчевская
Фото: автор

СЕВАСТОПОЛЬ:

Хроника революций и гражданской войны
1917—1920 гг.

Данное издание предпринято с целью создания хроники событий 1917—1920 годов в Севастополе и на Черноморском флоте с привлечением как уже известных, так и новых источников. Основу хроники составляют документы из архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Симферополя и Севастополя, Музеев Севастополя, сборников документов, воспоминания участников революционных событий и Белого движения, материалы из газет того времени.

Фрагмент хроники 1917 года

3 (16) марта — пятница

Адмирал Колчак сообщил приказом телеграмму Председателя Государственной Думы о февральском перевороте и призывающую офицеров, солдат и матросов спокойно исполнять свой долг и твердо помнить, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания Новой Сильной Правительственной власти.

Приказ Командующего Черноморским флотом

4 (17) марта — суббота

На линкоре «Императрица Екатерина II» началось брожение, которое к вечеру вылилось в требование убрать офицеров с немецкими фамилиями. (...) В эту ночь мичман Фок застрелился.

Крымский вестник

Рабочие и служащие на постройке морского кадетского корпуса в Севастополе, тронутые порывом чувства к свободе и сознавая подвиг рабочих г. Петрограда, собрали и отправили телеграфом 646 руб. 50 коп. в распоряжение председателя Государственной думы для нужд семей рабочих и солдат, погибших во время последних событий в Петрограде.

Крымский вестник

5 (18) марта — воскресенье

По требованию команды линкора «Императрица Екатерина II» утром на корабль прибыл Колчак. Перед строем команды он выразил неудовольствие организаторам выступления и отказался удовлетворять требование об удалении с флота офицеров с немецкими фамилиями.

А. П. Платонов. Февраль и октябрь в Черноморском флоте. — Севастополь, 1932

Утром по приказу командующего флотом в Севастополе на Нахимовской площади прошел парад морских частей и войск гарнизона совместно с учащимися города. Перед парадом епископ Сильвестр отслужил «благославенное молебствие» богохранимой державе Российской, народному правительству, верховному главнокомандующему и всему российскому воинству. В час дня парад закончился, командование флота и духовенство отправились на парадный обед к генерал-губернатору города контр-адмиралу Веселкину.

В. К. Жуков. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг.

В 14 часов во флотском экипаже начался митинг матросов, солдат и портовых рабочих. К пяти часам вечера во дворе экипажа собралось до 10 000 человек. Выступавшие знакомили собравшихся с содержанием столичных газет. В конце митинга по требованию матросов и солдат приехал А. В. Колчак и выступил с большой речью.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий

После обеда началось увольнение. Все матросы, как по приказу, шли на митинг в экипаж к двум часам. Весь двор в экипаже был полон матросов, и все шли и шли, но солдат было очень мало. Выступил матрос и сказал, что митинга начинать нельзя, потому что в казармах два полка находятся на казарменном положении. Чтобы избежать кровопролития, нужно их освободить и пригласить на митинг. Поднялся шум, крики, что нельзя допустить повторения 1905 года, крики, что надо послать делегатов и пригласить солдат на митинг, а также послать делегацию к командующему флотом адмиралу Колчаку,

пригласить и его на митинг и спросить, почему он не признает Временного правительства. Все закричали, что предложение правильное. Проголосовали, оно было принято единогласно. Я слышу, что кто-то назвал мою фамилию делегатом в Бецкий полк. Делегация состояла из 13 человек, мы выбрали старшего руководителя, и пошли строем. Старшим был выбран я. Не доходя до ворот казармы, я остановил свою команду, подошел к воротам. Ко мне вышел вооруженный офицер. Я ему доложил, зачем мы пришли. Он выслушал наше требование, побледнел, ничего не ответил и зашел в караульное помещение. Начал звонить по телефону командиру полка, долго о чем-то говорил с ним. Наконец, вышел и говорит: «Вы, ребята, уходите отсюда подобру-поздорову» и вызвал караул. Все ребята стали требовать: «Ваше благородие, вы хотите кровопролития? Кому вы служите — царю-батюшке Николаю II? Так разве вы не знаете, что он уже не царь». Один товарищ подал ему газету «Русское слово». Он посмотрел, бросил в лицо товарищу газету и сказал: «Уходите или применю оружие» и скомандовал: «В ружье». Но тут старый солдат из запаса сказал: «Довольно, ваше благородие, опоздали, мы все теперь поняли, 4 дня этого деспота уже нет, а вчера на молитве мы, как дураки орали «Боже, царя храни». Офицер вытащил наган, но был разоружен, матросы порвались и побежали в казармы. Так полк был освобожден, и все побежали в экипаж».

Ф. И. Андриященко. Служба на миноносце «Гневный»

7 (20) марта — вторник

Командующий Черноморским флотом объявил приказ военного и морского министра Временного правительства, отменивший наименование матросов «нижними чинами», титулование офицеров, а также ограничения гражданских прав нижних чинов.

Хроника революционных событий в Крыму

Адмирал Колчак приказал «в ознаменование великих событий освободить от наказаний за противодисциплинарные проступки, наложенных властью начальников не по суду до 8 марта на всех чинов подчиненных мне частей флота и армии».

Приказ командующего Черноморским флотом

В Севастополе получена телеграмма от бывшего защитника П. П. Шмидта, на суде 1906 г. присяжного поверенного Резникова: «Старый друг и защитник матросов Черноморского флота шлет им горячий привет и провозглашает вечную память великим гражданам-мученикам: лейтенанту Шмидту и матросам».

Южные ведомости

10 (23) марта — пятница

Газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Революционная армия и Офицерство», в которой указывалось на повсеместное стремление офицерства взять руководство революцией в свои руки. «Правда» призывала солдатские комитеты очистить армию от реакционного офицерства и создать свое революционное, организовать во всех частях комитеты, которые должны следить за тем, чтобы командование армии не находилось в руках сторонников старого режима.

В. В. Аникиев. Деятельность ЦК РСДРП(б)

Составление, научная редакция и комментарии В. В. Крестьянникова

Севастопольский миф

Легендарный Севастополь,
Неприступный для врагов,
Севастополь, Севастополь —
Гордость русских моряков.

Петр Градов

Песня «Легендарный Севастополь» написана в 1954 году. В золотой фонд советского музыкального искусства она не попала, но в июле 1994 года решением городского совета Севастополя была утверждена официальным гимном города. Разумеется, не случайно. После распада СССР миф о «Севастополе — городе русской славы» взят на вооружение сторонниками восстановления империи, как в самой России, так и за ее пределами. В последние годы он стал частью новой идеологии, создаваемой Кремлем. Последняя во многом — собрание мифов: о прекрасном или, наоборот, ужасном прошлом, но обязательно о светлом будущем; о великой войне и великой победе; о злых врагах; суровых, но мудрых вождях; славных и бесстрашных героях. Разрушение таких мифов вызывает злобу не только власти, но и масс. Власть культивирует их, чтобы укрепить свое господство. А для большинства подданных они, подобно наркотику, создают иллюзорную вселенную, в которой человек, ощущая причастность к чему-то грандиозному, забывает о тяготах и убожестве жизни.

Вернемся к Севастополю. Нет сомнений в стойкости его защитников и в Крымскую войну 1853—55 годов, и во время Второй мировой войны. Но апелляция к их героической гибели для того, чтобы укрепить российскую идеологическую мифологию, прикрыть бездарность власти и реализовать сомнительные геополитические цели вызывает омерзение.

Сразу возникает вопрос: если Севастополь действительно «город славы», то почему именно русской? И Российская империя, и Советский Союз были не национальными государствами русского этноса, но многонациональными империями. Издавна российская аристокра-

тия включала в себя немало знатных литовских и татарских фамилий, а к началу XIX века элита империи состояла уже не столько из этнических русских, сколько из немцев, украинцев, поляков, выходцев с Кавказа и так далее. Вплоть до 1917 года они занимали много высших постов в армии.

По мере расширения империи воинская повинность постепенно распространялась на нерусские народы. К концу XVIII столетия рекрутские наборы охватывали не только великорусские губернии, но и Украину, Белоруссию и Новороссийский край, завоеванный в 1768—74 годах. В частности, в 1780 году Екатерина II распространила рекрутскую повинность на Украину.

Советская армия формировалась из представителей практически всех национальностей, проживавших на территории бывшего Советского Союза, за исключением некоторых малых народов Севера и Сибири. Соответственно, многоэтничным был состав защитников Севастополя как в 1854—55, так и в 1941—42 годах. Иными словами, если называть Севастополь «городом славы», то не только русской, но и украинской, белорусской, польской и так далее.

Другой, еще более важный, вопрос — можно ли считать Севастополь «городом славы»? Авторы его официального гимна ошиблись. Севастополь никогда не был «неприступным». Во время Крымской войны его захватили англо-франко-турецкие войска. В 1918 году он был оккупирован армией кайзеровской Германии, а в 1942 году — немецкими и румынскими войсками. В частности, после Крымской войны монументы в честь победы, воздвигнутые в крупных городах Британской империи, включали в себя по две захваченных в Севастополе пушки. Это —

свидетельство не славы российского оружия, а его неслыханного унижения. Еще важнее другое. Обе катастрофы — 1855 и 1942 годов были вызваны не недостатком стойкости защитников города, но отсталостью страны, амбициями и бездарностью российской, а затем — советской власти, и ее военачальников.

О мужестве защитников Севастополя во время Крымской войны в России написаны тысячи книг. Их авторы, как правило, уходят от внятного ответа на простой вопрос: почему на протяжении многих месяцев Россия, имевшая тогда полтора миллиона солдат и офицеров, не смогла перебросить в Крым достаточно войск, чтобы противостоять десантным частям Англии, Франции и Турции? Между тем, десантные операции, особенно с растянутыми линиями коммуникаций, намного рискованнее для стороны, высаживающей десант, чем для обороняющейся.

В короткой статье невозможно перечислить все причины поражения российской армии. Приведем лишь выдержку из изданной в 1902 году книги Евгения Маркова «Очерки Крыма». «От Бахчисарая до Симферополя, — пишет Марков, — в невылазной грязи, стояли или ползли подводы, в которых люди с оторванными руками, с простреленной грудью, с разможенными головами, лежали почти друг на друге, без подстилки и покрышки, истекая кровью. Некормленные воли и надорванные клячи лежали в грязи, потеряв надежду дотянуть по баснословным грязям свои возы: некормленные и неоплаченные погонщики с суровым равнодушием стаскивали с воза скончавшихся во время пути и оставляли их на дороге. Люди, лошади, телеги валялись на пространстве тридцати верст. ... И это не сцена из египетского похода, не экспедиция в безлюдных и неведомых местах Азии, а война, ожидавшаяся

и долго подготавливавшаяся на родной земле, среди края, всем обильного, среди учреждений правильного государственного порядка»¹. Это — убийственная характеристика не только эвакуации раненных во время Крымской войны, но и всей военно-политической системы Российской империи. Стремясь овладеть черноморскими проливами и «прибить щит к воротам Царьграда», ее властители не озаботились созданием боеспособной армии и более или менее эффективно действующего тыла.

События Второй мировой войны, в том числе оборона Севастополя в 1941—42 годах, еще раз свидетельствуют о вопиющем безразличии Кремля к судьбам своих подданных. Советские, а сегодня российские историки доказывают, что осада Севастополя отвлекла огромные силы немецкой армии от наступления на Кавказ, внося, таким образом, крупный вклад в поражение германских войск в конце 1942 года. Возможно, это правда, хотя подлинная история Второй мировой войны в России еще не написана. Но если бои в Крыму в 1941—42 годах, действительно, имели важное стратегическое значение, то тем яснее становится бездарность Сталина и его генералов.

В 1941 году советское командование готовилось отразить морской или воздушный десант немецких войск в Крыму. Поэтому советские силы были «размазаны» по всей его территории. Но немцы ворвались в Крым сухопутным путем с севера, где не была организована серьезная оборона. К середине ноября 1941 года практически весь полуостров был ими занят. А весной 1942 года Севастополь оказался в блокаде не только с суши, но и с моря.

Несмотря на превосходство, советский Черноморский флот прорвать морскую блокаду не смог. Его командование стре-

милось во чтобы то ни стало сохранить «материальную часть», то есть корабли, оставив защитников Севастополя без снабжения. Окончательно судьбу города решил провал Керченской десантной операции. К концу мая 1942 года крупные силы Советской армии, десантированные ранее на Керченский полуостров и в Крым с тем, чтобы деблокировать Севастополь, были разбиты. Общие потери составили более 300 тысяч человек, в том числе примерно 170 тысяч пленных. А затем произошел один из самых позорных моментов в истории советских армии и флота. В июне 1942 года командовавший тогда Черноморским флотом и обороной Севастополя адмирал Октябрьский испросил разрешение Сталина на эвакуацию военной и партийной верхушки. Около 600 генералов, адмиралов и партийных руководителей были вывезены из города, а рядовые солдаты и офицеры были брошены на произвол судьбы и в большинстве своем сдались в плен. По немецким данным, в плен было взято 100 тысяч человек; по советским — чуть более 78 тысяч.

Российская пропаганда и официальные историки не любят вспоминать об этих эпизодах, которые действительно ставят под сомнение миф о «Севастополе — городе русской славы». В феврале 1958 года адмиралу Октябрьскому, бросившему своих подчиненных на верную гибель, было присвоено звание Героя Советского Союза «за умелое руководство флотом и проявленные мужество, отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». В нормальной стране, не утратившей понятий о воинской чести, этот человек был бы с позором разжалован, а может быть, отдан под суд.

Миф о «Севастополе — городе русской славы» имеет прямую политическую направленность. Из него обычно делают

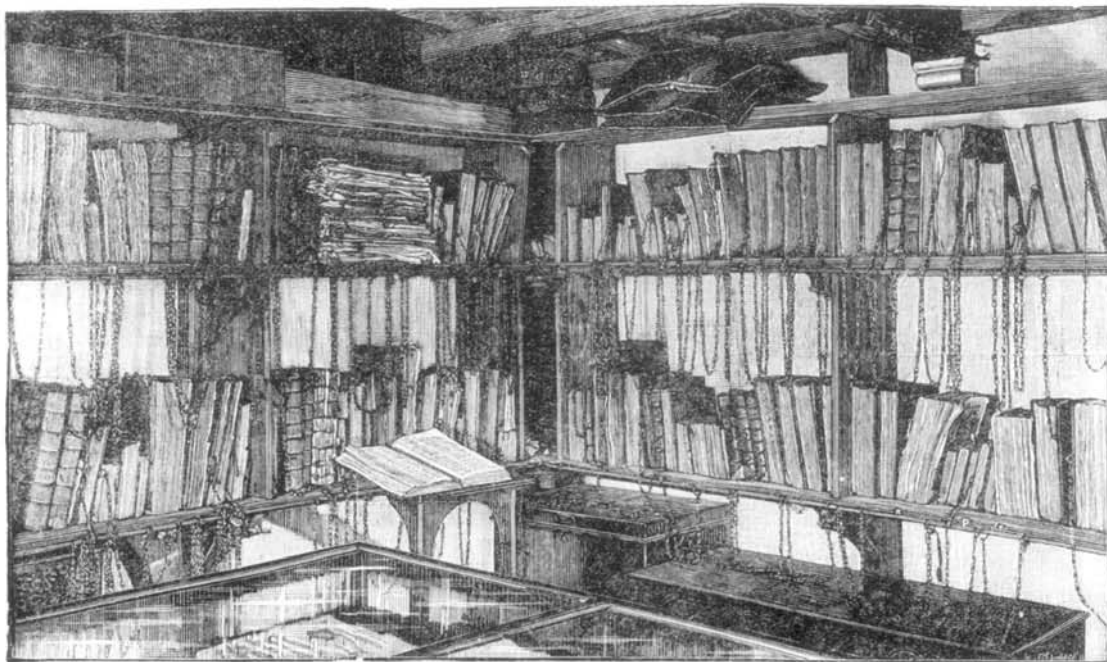
вывод, что город, а желательнее — и весь Крым, принадлежат России. И уж, как минимум, российский Черноморский флот должен там базироваться до скончания века. Дмитрий Рогозин, известный российский политик с, мягко говоря, неоднозначной репутацией, писал, например, президенту Путину: «Есть только одна причина, которая может снять с Правительства РФ задачу возвращения Севастополя под российское управление. Речь идет об объединении Российской Федерации и Украины в единое государственное образование. До тех пор, пока этот процесс не стал реальностью, возвращение Севастополя под юрисдикцию России является одной из важнейших задач по укреплению суверенитета нашей страны. В этой связи прошу Вас дать указание Совету Безопасности РФ, Министерством иностранных дел и обороны ... включить вопрос о статусе города-крепости Севастополя в повестку российско-украинских межгосударственных переговоров»². Президент Путин не последовал совету Рогозина, но назначил его послом России в НАТО, возможно, в благодарность за патриотический образ мыслей. Мечта о Крыме в составе России продолжает будоражить воображение российской власти.

И последнее. Сегодняшняя кремлевская пропаганда руководствуется формулой первого шефа российских жандармов, графа фон Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». А российская политика во многом следует по пути императора Николая I, приведшего страну к Крымской катастрофе. И если она не изменится, то будущее России, действительно, окажется за пределами того, «что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Юрий Федоров

Детище Черноморского флота

Морская библиотека имени адмирала Лазарева — единственная публичная российская государственная библиотека на территории Украины. Севастопольская Морская библиотека, основанная в 1822 году, всегда была тесно связана с Черноморским флотом и все исторические коллизии переживала вместе с ним, являясь его духовным и интеллектуальным центром.

Севастопольская Морская библиотека была основана 21 июня 1822 года по инициативе и на средства офицеров Черноморского флота. У ее истоков стояли русские флотоводцы — адмиралы Алексей Самуилович Грейг и Михаил Петрович Лазарев. Управлялась библиотека комитетом директоров, состоящим из числа действующих офицеров.

Под руководством адмирала М. П. Лазарева — первооткрывателя Антарктиды — для Морской библиотеки дважды строились отдельные здания, являвшиеся украшением и гордостью города, которые, к сожалению, безвозвратно утрачены.

В 1833 году адмирал Лазарев вступил в должность Главного командира Черноморского флота и портов и с присущей ему энергией принялся за воссоздание Черноморского флота. Считая, что повышение боевой готовности флота тесным образом связано с подъемом военно-морского образования и культуры офицеров, он большое внимание уделил строительству нового здания для Морской Офицерской библиотеки. До этого она находилась в непригодном для библиотечных целей казенном доме. В 1837 году на центральном холме — самом красивом месте Севастополя, где позднее будет возведен Владимирский собор — началось строительство здания библиотеки.

В 1844 году в только что отстроенной библиотеке произошел пожар. Здание сгорело до основания. Пожар тушили всем миром, как тушат судовое пламя, и благодаря самоотверженности офицеров, большая часть шкафов с книгами была спасена. Адмирал Лазарев, воспринимавший пожар как личную беду, решил начать строительство нового здания для библиотеки, чертежи и планы разрабатывались под его непосредственным контролем. Для внешнего оформления здания Лазарев заказал эскизы барелье-

фов и статуи у итальянских скульпторов и русских художников, для украшения библиотеки и ее залов выписал знаменитый каррарский мрамор. Торжественное открытие библиотеки состоялось 2 ноября 1849 года.

11 апреля 1851 года в Вене М. П. Лазарев скончался. Тело адмирала было доставлено в Севастополь и похоронено в склепе, на том месте, где позже будет воздвигнут Владимирский Собор. В новом здании библиотеки одна из комнат, в память о Лазареве, стала называться «лазаревской». В ней находилась личная библиотека адмирала — 1118 томов — по его завещанию переданная в собственность Морской библиотеки. А в 1997, в связи с 175-летием основания Севастопольской Морской библиотеки, приказом Главнокомандующего ВМФ Российской Федерации, ей было присвоено имя адмирала М. П. Лазарева.

Одна из примечательных страниц истории Морской библиотеки — годы первой обороны Севастополя (1854—55). Библиотека, насчитывающая к этому времени 16 тысяч книг, стала, по воспоминаниям современников, «сосредоточением жизни всех офицеров Севастополя», своеобразной кают-компанией, куда офицеры приходили, повинувшись духовному и нравственному родству. Несмотря на ожесточенные бомбардировки Севастополя, работа библиотеки не прекращалась ни на один день. В течение 1854 года было выдано 27 тысяч книг. В библиотеку приходили прямо с бастионов. Об этом сохранились воспоминания участника обороны Севастополя: «Одним из утешений моих в это довольно тяжелое время была севастопольская библиотека. В свободные часы я хаживал туда. Необыкновенно приятно, даже обаятельно, казалось мне, после разных невзгод осадного положения, перенестись вдруг в прекрасную залу и, сидя там, на покойном вольтеровском кресле, сле-

дить за... новостями в мире политики и искусства... Тот не знает всей цены подобному занятию, кто не бывал в положении севастопольцев... О часах, проведенных мною в севастопольской библиотеке, память во мне сохранилась с большой живостью».

В этот же период в стенах Морской библиотеки великим российским хирургом Николаем Ивановичем Пироговым был развернут перевязочный пункт.

Когда угроза вторжения в город вражеских войск стала неизбежной, все книги из Морской библиотеки были направлены в Николаев, часть оставшихся книг была варварски разграблена интервентами. В 1890 году Морская библиотека вернулась в Севастополь в специально для нее возведенное здание, с тем, чтобы уже никогда не покидать родной город.

В годы Гражданской войны книги из Морской библиотеки сопровождали офицеров бывшего Императорского Черноморского флота в эмиграцию.

1930-е годы значатся в анналах библиотеки черной страницей, по урону, нанесенному ее книжному фонду, сопоставимой, быть может, лишь с трагическими книжными потерями в первую и вторую обороны Севастополя.

Тогда, по распоряжению советского правительства, из фондов музеев и библиотек было отобрано и продано за границу большое количество произведений искусства и раритетных книг: не хватало средств на индустриализацию страны. Экспортной продажей антикварных и ценных книг занималось внешнеторговое объединение «Международная книга».

Свой след эта организация оставила и в фондах Севастопольской Морской библиотеки. Отбором книг на продажу занимался эксперт «Международной книги» Павел Петрович Шибанов. Он отобрал, «преследуя цели исключительно экспортные», до пяти тысяч книг, куда вошли раритеты мирового и отечественного уровня: первое издание «Слова о полку Игореве» (1800), знаменитый труд Дюмон-Дюрвиля «Путешествие вокруг света» в пяти томах на французском языке, сборник подлинных приказов (до 40) Екатерины II за ее собственноручными подписями, касавшихся образования Черноморского флота, четыре тома знаменитой «Царской охоты» Кутепова, а также все книги личной библиотеки М. П. Лазарева, подаренной Морской библиотеке — все 1118 томов.

При таких трагических обстоятельствах лазаревское собрание покинуло стены Морской библиотеки, и сегодня не существует цельной книжной коллекции, именуемой лазаревской библиотекой: книги ее разлетелись по всему белому свету... В 1967 году Морская библиотека обратилось с письмом в «Международную книгу», надеясь отыскать какие-то следы изъятых раритетов. Ответ был неутешителен: документы, которые могли бы подсказать, куда были отправлены эти книги, хранились в архиве всего 15 лет. Эксперт объединения П. Шибанов умер. Совершенно определенно одно: книги, отобранные на экспорт, обязательно отправлялись за границу или продавались в магазинах Торгсина за валюту и золото как антикварные книги.

В 1941 году, когда немецкие войска подошли к Севастополю, Морская библиотека перестроилась на военный лад. Выдача книг на дом прекратилась, была организована походная читальня, которая доставляла книги туда, где воевали ее читатели: на корабли, батареи, в батальоны морской пехоты, артиллерийские части, госпитали. Почти круглые сутки комплектовались библиотечные передвижки, сотрудники библиотеки не только комплектовали библиотечки для бойцов, но и сами нередко приходили с книгами на передний край обороны.

Наиболее ценные книги готовились к эвакуации. Вывозили книги из осажденного Севастополя военные корабли Черноморского флота. Удалось вывести на Кавказ 13 тысяч изданий XVIII—начала XX века. Но много больше утеряно навсегда: в 1941 году при эвакуации книжного фонда в Потти и Туапсе 20 ящиков с редкими изданиями погибли во время погрузки: рядом упала бомба. Около 200 тысяч книг погибло в 1942 году в огне пожара, который уничтожил здание Морской библиотеки.

Находясь в эвакуации в Новороссийске, Батуми, Потти, Туапсе, Морская библиотека продолжала свою работу в воинских подразделениях и на кораблях.

Трудное время для Севастопольской Морской библиотеки наступило и в 1990-е. В годы перестройки решалась судьба Черноморского флота, а значит, и судьба библиотеки. В 1996 году к Президенту РФ и Председателям Совета Федерации и Госдумы обратились офицеры и ветераны Черноморского флота с призывом объявить Морскую библиотеку национальным достоянием России.

В эти годы Морская библиотека перестала комплектоваться. Не было денег ни на книги, ни на журналы и газеты. В 1992 году представители соединения надводных кораблей Черноморского флота выступили с обращением ко всем офицерам с просьбой оказать финансовую помощь библиотеке... На кораблях и в частях Черноморского флота прошли общие собрания, на которых было решено поддержать начинание офицеров соединения надводных кораблей и перечислить деньги на счет библиотеки. И сегодня эстафету помощи Морской библиотеке приняла флотская общественность.

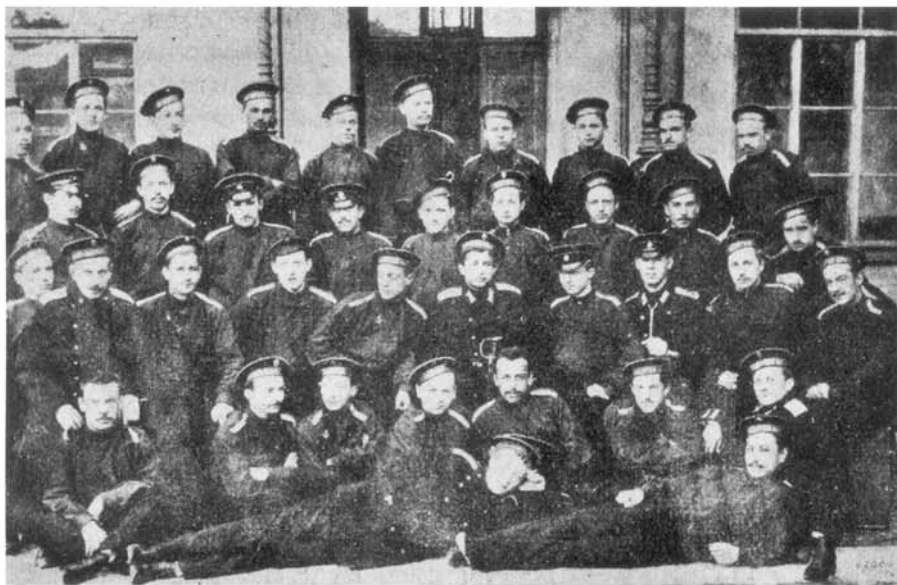
...В 1854 году один из героев обороны Севастополя, подчеркивая общественное значение Морской библиотеки, писал в «Морском сборнике» о том, что «библиотека эта усилиями своими к поднятию научного и нравственного уровня офицеров создала тех героев, которые с беспримерным мужеством обороняли бастионы Севастополя». Стремится к воспитанию нового поколения героев библиотека и в наши дни.

По материалам Светланы Карповой, заведующей методико-библиографическим отделом Морской библиотеки им. адмирала М. П. Лазарева Севастопольского Дома офицеров Черноморского флота Российской Федерации

«Под сенью Андреевского флага...»

«Я убежден, что под сенью Андреевского флага вы будете служить столь же доблестно, как служили Престолу и Родине ваши отцы и деды». Такими словами 28 января 1904 года Государь поздравил свежий выпуск мичманов Морского Кадетского корпуса, слушатели которого уже год спустя начали службу во время Русско-японской войны. Предшествующих и будущих выпускников Морского Кадетского корпуса ожидали беспокойные годы первой половины XX века.

После унижительной Русско-японской войны и короткой передышки грянула Первая мировая война, затем — революционные годы, гражданская братоубийственная война, эвакуация Крыма, последняя пристань в Бизерте и, для большей части выживших моряков, долгие годы изгнания.

Где бы они ни жили, как ни складывалась бы их судьба в России и за ее пределами, все же их связывали воспоминания о юношеских годах в Морском Кадетском корпусе в Петербурге и годы совместной службы «под сенью Андреевского флага».

Чехословакия, которая в начале 1920-х годов приняла молодых российских изгнанных, находится в центре европейского материка. В ее горах берут свое начало реки, вливающиеся в отдаленные моря: Дунай — в Черное море, Одра — в Балтийское, а Эльба — в Северное. Далеко-далеко за пределами Чехословакии морские берега и портовые города.

Но и в этой стране без морей и без традиции мореплавания нашли приют российские моряки, именно в этой сухопутной стране с 1929 года пятнадцать лет издавался «Морской журнал», ежемесячник пражской Кают-компаний.

Кают-компании существовали в разных странах и городах от Сан-Франциско и Нью-Йорка до Парижа, Берлина и далее — Константинополя, Шанхая и Манилы. В конце 1920-х годов существовало более тридцати таких объединений, числивших в своих рядах до тысячи моряков, выпускников Морского Кадетского корпуса. Членами могли стать офицеры Флота, корабельные гардемарины и юнкера. Постоянными гостями могли быть вольноопределяющиеся Флота и лица, имеющие отношение к Флоту и хождению на судах. Взаимное общение

оказывало им моральную, а часто — и материальную поддержку.

Большинство бывших моряков приехало в Прагу из Бизерты. В пражском Национальном архиве сохранились письма из Бизерты с фотографиями молодых моряков (17—25 лет), которые стремились приехать в Прагу, сдать экзамены на аттестат зрелости и поступить в одно из высших учебных заведений технического направления. Не всем желающим удалось приехать. Учебная комиссия в Праге выбрала около 50 человек, которые двумя группами прибыли в конце 1922 года в Прагу. В Прагу направлялись и моряки из Греции, Болгарии и Сербии. Их распределили в учебные заведения в Праге и Брно.

В Чехословакию попала не только молодежь, но и пожилые опытные моряки, часть из которых работала в Пльзени и Праге на заводах фирмы «Шкода».

Нашего внимания заслуживает личность лейтенанта Михаила Сергеевича Стахевича, председателя пражской Кают-компании, организатора и редактора «Морского журнала», моряка душой и сердцем, моряка без моря, моряка, который все свои силы и энергию пожертвовал во имя увековечивания памяти выпускников Морского Кадетского корпуса и славы российского Флота.

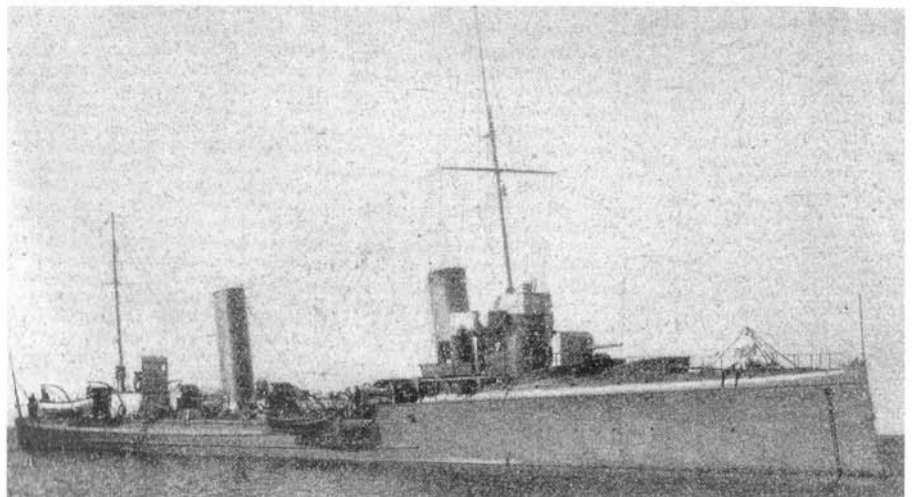
Михаил Сергеевич Стахевич родился 23 января 1893 года в Курске. В 1907 году, в возрасте 14 лет, он поступил в Морской Кадетский корпус. Шесть лет спустя, в 1913-м, был произведен в мичманы. Во время войны в 1917 году он окончил Морские офицерские классы и служил в Северном море на крейсере «Россия» и на миноносце «Эмир Бухарский». На этом крейсере он в апреле 1918 года совершил ледяной переход из Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт. В сен-

тябре 1919 года поступил в Добровольческую армию и был назначен старшим офицером крейсера в Каспийской формации. 3 апреля 1920 года экипаж крейсера был интернирован англичанами и перевезен из России в Персию. О том, что происходило с 1920 по 1922 годы, нам не удалось ничего узнать.

В августе 1922 года Стахевич приехал на короткое время из Германии в Прагу. Пробыл здесь до октября и на два года вернулся обратно. В Прагу на постоянное жительство он приехал 15 июля 1924 года. И это было настоящее постоянное жительство, которое длилось более 20 лет, до мая 1945 года.

Его первый пражский адрес — Na Vinici 183. Жил он там с матерью Александрой Федоровной (р. 1871, Курск). Через два месяца по приезде в Прагу, 16 апреля 1926 года, Стахевич был принят на временную службу в Русский заграничный исторический архив. Временная работа сменилась постоянной и оставалась ею также до мая 1945 года.

Миноносец «Эмир Бухарский»

Чем только не занимался он в РЗИА. Одно время Стахевич был конторщиком, потом кассиром, делопроизводителем, но дольше всего морским регистратором. Через его руки проходили все поступающие в архив материалы: документы, книги, журналы и газеты. Он вел и регистрировал переписку с владельцами материалов, проверял материалы по описи, заведовал инвентарем архива и всей хозяйственной частью, вел надзор над получением грузов из-за границы и их отправкой через таможню. Вся эта работа требовала большой точности и аккуратности. Его заявки отличались ясной логикой структуры содержания, его почерк был четкий и разборчивый.

Благодаря работе в архиве, Стахевичу удалось возобновить связь с бывшими моряками, которые отзывались на призыв архива посылать в Прагу свои воспоминания о своих студенческих годах в Морском кадетском корпусе и на службе в Российском морском флоте и Добровольческой армии. Постепенно возобновлялась связь

М. С. Стахевич на рабочем месте

Привет М. С. Стахевичу
К 100-му номеру «Морского журнала»

Привет тому, кто в дни ненастья,
Былым оставшись верен снам,
Ведет корабль свой неустанно
К родным далеким берегам,
Чей дух не сломлен ураганом
И кто сумел во мгле собрать
Под сень Андреевского флага
Грозой развеянную рать.

Баронесса С. Траубе-Аничкова

между бывшими моряками-выпускниками Морского кадетского корпуса. Во всех странах распыления возникали отдельные Кают-компании и был возобновлен Храмовый праздник бывших выпускников Морского корпуса и военно-морского училища в Санкт-Петербурге и Московского кадетского Его Императорского Величества Наследника Цесаревича корпуса в Севастополе. Этот праздник праздновали моряки ежегодно 6 ноября в День святого Павла Исповедника.

В Праге в храме святого Николая на Староместской площади в этот день ежегодно служили панихиду по основателю Московского корпуса, императору Петру Великому, и членам царской семьи, по усопшим членам пражской Кают-компании и их усопшим родственникам, а также «по всем морякам, усопшим, в море погибшим, на поле брани убиенным, умученным и за Веру Царя и Родину живот свой положившим».

С 1927 года мечтал М. С. Стахевич об издании журнала, посвященного истории русского мореплавания. Ежемесячный морской журнал он начал выпускать с 1928 года и издавал его по собственной инициативе на свой личный риск и без субсидий и денежной поддержки со стороны русских эмигрантских организаций. Журнал оплачивали его подписчики. Все время существования журнала был Стахевич единственным редактором. Ответственным редактором, улаживающим отношения с чешским надзором по печати, был долгие годы так называемый «русский чех» Зденек Рейман, женатый на адмиральской дочке Надежде Вирен.

Стахевич, чтобы иметь возможность сосредоточить все свои силы на подготовку номеров журнала, переселился в здание архива и в темной комнатке круглосуточно жил и работал. Он мог себе позво-

лить такой образ жизни, так как был холостяком и целеустремленно посвящал свою жизнь работе в архиве и над журналом. Он жил аскетично, не выпивал, не играл в карты, жил скромно, никогда не одалживал деньги. При архиве он жил с 1929 года по 1934 год. Жил сначала в здании архива на Виноградах на улице Wenzigova, такой же угол ему удалось найти после переселения архива на новый адрес на Градчаны — Loretánská 109.

В 1937 году он женился на Ольге Андреевне, урожденной Бундель, первым браком Ильинской. От первого брака у нее был девятилетний сын Андрей. И только тогда Стахевич начал жить семейной жизнью в собственной квартире. Ольга Андреевна была хорошей матерью, женой и домохозяйкой.

К сожалению, этот счастливый поворот жизни Стахевича произошел во время, когда Центральная Европа и Чехословакия очутились на пороге будущей войны. В это время сильно сократились государственные субсидии на содержание Русского заграничного архива, а с 1939 года, когда Чехословакия официально перестала существовать, прекратилась и возможность переписки с границей. С каждым годом сокращалось количество страничек «Морского журнала» и последние номера представляли собой один единственный разворот с самой простой информацией.

Михаил Сергеевич Стахевич с женой и семнадцатилетним пасынком покинули свою квартиру с легкой ручной кладью. В квартире осталось то, что Стахевич больше всего ценил — его библиотека с морской тематикой и персональная картотека — результат его работы над выяснением судьбы личного состава российского флота (данные более чем о тысяче моряков). Они успели уехать из Праги до появления военнослужащих СМЕРШа и начала арестов. Одновременно с ними бежал с семьей и сослуживец Стахевича Лев Флорианович Магеровский — заведующий газетным отделом РЗИА. До сегодняшних дней сохранилось в архивных материалах короткая запись: «Магеровский и Стахевич не явились 13 мая 1945 года на работу».

Долгие два года скитаний без постоянного крова, без привычной среды, близких друзей, без любимой работы и перспективы — все это плохо влияло на физическое и психическое состояние беженцев, очутившихся в Ди-Пи лагерях — лагерях для «переселенных лиц» с восточных земель на Запад. Эти лагеря существовали в американской и британской зонах Германии и жили в них люди, бежавшие на Запад из Прибалтики, Украины, Югославии и территории России, которая была оккупирована во время Второй мировой войны. Там были и угнанные на принудительные работы русские, которые решили не возвращаться обратно. Все они ждали будущего дня и мечтали покинуть разоренную войной

Германию и начать жить, лучше всего, где-нибудь за океаном — в Австралии, Канаде, Южной и Северной Америке. Этот трудный период легче всего переносили дети и молодые люди, а пожилые от своего неопределенного и шаткого положения сильно страдали. Все они боялись принудительного возвращения.

Все это было хорошо известно тем, кто это уже раз пережил в 1919 и 1920 годах. Русские беженцы помнили холодные палатки на берегах Галлиполи и Лемноса, унижительный физический труд в Турции и Болгарии, общежития, плохо меблированные комнаты у чужих хозяев, годы учебы и радость первых заработков. Но все это было 25 лет назад, все они были тогда молодыми, верили в счастливое будущее и возвращение на родину. На то, чтобы пережить все это мучение во второй раз, у некоторых не хватало сил.

Границу между Западом и Востоком все еще не успели закрыть наглухо. В течение 1946, 1947 и 1948 годов лагеря Ди-Пи все еще пополнялись новыми волнами беженцев, которые рассказывали о том, кого из бывших друзей арестовали, кто пропал без вести, кто бежал, а кто принял советское подданство. М. С. Стахевич определенно узнал о печальной судьбе своих бывших сослуживцев: С. П. Постникова, П. С. Боровского и Н. П. Цветкова.

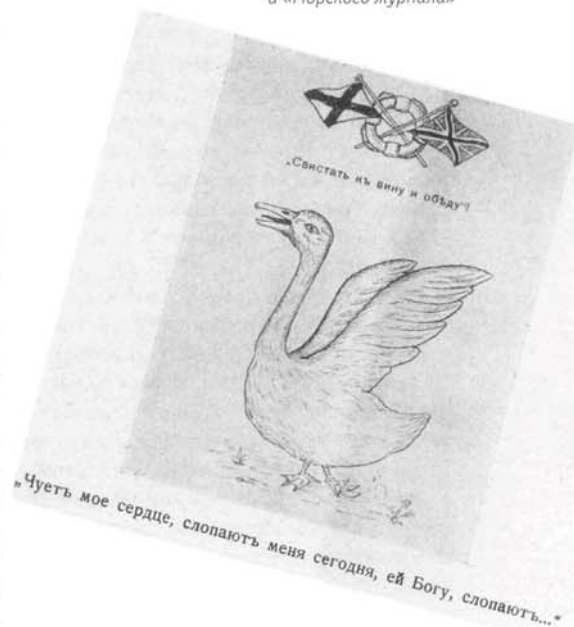
О передаче части материалов РЗИА в СССР и ликвидации самого архива беженцы узнали из статьи в американской эмигрантской газете «Новое русское слово». Все хорошо понимали, что дорога обратно в Прагу навсегда потеряна. В конце августа 1947 года М. С. Стахевич получил для себя и своей семьи разрешение выехать в США. Им пришлось проехать из Мюнхена через уничтоженные войной немецкие города до порта Гамбург, откуда отходили

пассажирские корабли в Америку. После долголетнего перерыва стоял лейтенант российского флота опять на берегу моря и на палубе корабля, но вместо красивой формы на нем было пальто с чужого плеча, и он не был членом экипажа, а пассажиром третьего класса.

В сентябре 1947 года семья Стахевич поселилась в Нью-Йорке и начала искать способ заработка. Михаил Сергеевич получил работу на спичечной фабрике, брал на себя ночные смены и дополнительную сторожевую службу.

Михаил Сергеевич Стахевич, уроженец города Курск, душой и телом российский моряк, скончался 2 января 1948 года от апоплексического удара. Было ему всего 56 лет.

Анастасия Копришова
Иллюстрации из архива автора
и «Морского журнала»

Второе крымское правительство

После октябрьского переворота власть в Крыму, как и по всей стране, менялась постоянно. Однако жизнь в эти годы там была все же более стабильной по сравнению с остальной Россией, и главной причиной этого было само географическое положение полуострова. Именно здесь с апреля 1918-го до апреля 1919-го, когда Крым был полностью свободен от большевиков, возникли одно за другим два гражданских (а не военных!) правительства.

Первое из них (председатель Сулькевич) называлось «татарским», оно боролось за отделение Крыма от России и опиралось на немецкую армию, пришедшую сюда после подписания брестского договора. В ноябре 1918 года началась эвакуация немцев, и правительство Сулькевича перестало существовать. На смену ему пришло второе краевое правительство, сформированное 18 октября на съезде Земгора (земских и городских гласных) пяти крымских уездов на следующих основаниях:

1. Крым — часть великой России. Отсюда — борьба с любым сепаратизмом.

2. Власть считает себя временной и будет существовать вплоть до возвращения центральной Российской власти.

Главой правительства был единогласно избран Соломон Самойлович Крым (1867—1936), караим по национальности, мусульманин по вере, кадет по партийной принадлежности и глубоко образованный русский человек по культуре. Он владел в совершенстве не только русским и татарским, но и французским языком. Личный дворянин и надворный советник, он был членом первой и четвертой Государственной думы и делегатом последнего состава Государственного совета. Ему принадлежит разработка законопроекта о Таврическом университете, торжественно открытом в Симферополе в октябре 1918 года. Ученый-агроном по профессии, он был одним из богатейших землевладельцев

и одним из лучших в России виноделов. Его не только глубоко уважали, но и любили за врожденный такт и чувство меры. При этом он был изобретательным и решительным человеком. Он спас, например, винные погреба Мацесты и от «первых» большевиков (январь—апрель 1918 года), и от последовавших за ними немцев, замуровав основные входы и оставив для общего пользования всего два—три подземных зала. Во время эмиграции он умудрился вывести с собой 60 тысяч ведер лучшего вина, продал его в Париже, на вырученные деньги закупил сельскохозяйственный инвентарь и переслал его в Крым (тогда еще не советский).

С. С. Крым стал премьером и министром земледелия. Из местных людей в его министерство вступили кадет Н. Н. Богданов — министр внутренних дел, эсэр С. А. Никонов — министр народного просвещения и плехановец П. С. Бобровский (1880—1947), мой дедушка, — государственный контролер и секретарь, а с 1 декабря — министр труда.

Николай Николаевич Богданов принимал участие в корниловском «ледяном походе», а при Временном правительстве занимал должность комиссара Тавриды. Его первым заместителем работал тогда Петр Семенович Бобровский.

Большую роль и в создании, и в работе правительства играл симферополец, князь Владимир Андреевич Оболенский, председатель

Таврического земства. Не входивший в состав правительства, он, тем не менее, принимал участие во многих важнейших его заседаниях.

Во втором крымском правительстве стали работать также приехавшие из Петербурга В. Д. Набоков (1869—1922) — заместитель премьера и министр юстиции, и М. М. Винавер (1862—1926) — министр внешних сношений.

Владимир Дмитриевич Набоков был горячим сторонником власти закона и права, считая, что Россию погубило беззаконие. Спасти Россию, прибегая к беззаконию, невозможно — говорил он не раз. После Февральской революции Набоков стал управляющим делами Временного правительства. Максим Моисеевич Винавер — известный всероссийский адвокат и общественный деятель. Александр Солженицын посвятил Винаверу целую главу в книге «Март семнадцатого». Марк Шагал считал его своим духовным отцом, утверждая, что без него никогда не стал бы художником.

И Набоков, и Винавер явились учредителями кадетской партии, были членами первой Государственной думы, подписавшими «Выборгское воззвание».

Соломон Самойлович Крым пытался привлечь в свое правительство татар, но попытки эти были безуспешны. Татарский парламент Куртай находился во власти демагогов, их желанием было отделение Крыма в самостоятельную республику или, в крайнем случае, признание его автономии. Татары стали непримиримыми врагами и правительства, и особенно — его председателя. Были забыты все его бывшие заслуги, а ведь именно татары избирали его в свое время и в Государственную Думу, и в Госсовет. Теперь он стал «предателем».

Кроме шести полноправных членов правительства, несших политическую ответственность, в его состав вошли также четыре «деловых» министра. Это были управляющий казенной палатой А. П. Бардт (кадет), ставший министром финансов, и А. А. Стевен (беспартийный), получивший должность министра путей сообщения, торговли и промышленности. Несколько позже были учреждены министерства военное (генерал Бутич) и морское (адмирал Канин).

Первое заседание правительства состоялось 15 ноября 1918 года. Расположилось оно очень скромно в бывшем губернаторском доме Симферополя. Большинство министров (Крым, Набоков, Богданов, Винавер, Никонов) были не симферопольцами и жили без семейной коммуной все в том же доме (каждый имел по комнате, а питались все вместе): город был переполнен, и найти там квартиру было невозможно. Живший в Симферополе Бобровский был их частым гостем, и это постоянное общение политически ответственных членов кабинета министров зачастую делало ненужными дискуссии в официальных заседаниях, которые проходили ежедневно и были очень плодотворны под руководством С. С. Крыма.

Вот что пишет о работе правительства в неопубликованных воспоминаниях Петр Семенович Бобровский, мой дед: «О нашей внутренней работе, о наших взаимоотношениях моя память не сохранила ни одного темного пятна. Люди разных убеждений, разных общественных положений, наконец, совершенно неодинакового калибра, мы работали дружно, без трений, без интриг... Из внешних признаков своей деятельности мы, как-то даже особенно и не сговариваясь, совершенно изгнали всякие признаки какого бы то ни было величия: высокий стиль, высокие оклады, автомобили, обилие секретарей, недоступность приемов. Всеми своими действиями мы всегда подчеркивали временный, деловой, рабочий характер нашей власти».

Жалованье каждому министру определили в 20 тысяч рублей в год. Насколько это было мало, можно судить по тому, что в семье моего деда, состоявшей из четырех человек, моя бабушка вынуждена была работать, иначе нельзя было свести концы с концами.

Безопасность Крыма стала первой заботой кабинета министров. Для этого был подписан договор с Деникиным, по которому точно разграничивались права армии и гражданской власти. Военные не должны были вмешиваться в дела правительства, а правительство — в дела военные. Штаб Добровольческой армии (ДА) расположился в Екатеринодаре. Деникин мог послать в Крым только небольшой отряд в 300—400 человек (позже их количество немного увеличилось). Их размещение и полное содержание брало на себя правительство. Поражало обилие начальства и многочис-

С. С. Крым

С. А. Никонов

В. Д. Набоков

П. С. Бобровский

М. М. Винавер

В. А. Оболенский

Бывший губернаторский дом Симферополя, где заседало правительство

ленность штабов. Командующим войсками Крыма был назначен барон де Боде, начальником крымской дивизии — генерал Корвин-Крюковский.

Второй военной силой, которую нельзя было игнорировать (их не звали, они пришли сами), стали бывшие союзники, подошедшие к Севастополю на смену немцам, — английские, французские, итальянские и греческие войска. В помощь иностранцев в деле изгнания большевиков горячо верил министр внешних сношений Винавер, ведший с ними постоянные переговоры. Эту веру мало разделяли другие члены кабинета, самым большим скептиком (и провидцем!) был Набоков.

Крымское правительство выполняло функции и законодательной, и исполнительной власти. Поэтому еще в ноябре начали готовить проект закона о выборах в сейм (парламент), который уже 12 декабря (!) был принят Земгором. Работа была проделана огромная, но дата проведения выборов постоянно откладывалась из-за противодействия руководителей ДА, которые видели в притязании на сейм сепаратистские устремления гражданской власти. Подозрения эти были нелепы, ибо одним из первых действий правительства стала отмена всех подобных законов кабинета Сулькевича. Например, был изменен закон о крымском гражданстве. Татарское правительство установило для этого срок оседлости

Денежные знаки, выпущенные Вторым крымским правительством

в 10 лет, что не давало никаких прав большому притоку высокообразованных людей из других районов России. Новым сроком оседлости стал только один год.

Много было сделано в интересах рабочих: восстановили фабричную инспекцию, стали функционировать больничные кассы и даже начали проводить мероприятия по социальному страхованию. У министра труда Петра Семеновича Бобровского были многолетние связи с рабочими, он очень хорошо знал их нужды и давно защищал их интересы, ему верили, и главное, он был абсолютно доступен.

Владимир Дмитриевич Набоков, министр юстиции, возглавил работу по совершенствованию судебной системы. Прежде всего, был восстановлен старый русский единоличный суд с институтом присяжных заседателей. Всячески подчеркивалась независимость судов от правительственной власти, и ее удавалось достичь — действовало само имя Набокова. Не было создано «особых» статей для уголовных дел большевиков, их судили, как и всех, судом присяжных, что дало повод представителям ДА обвинить правительство в «пособничестве большевикам».

В Крыму открыли Судебную палату (раньше она находилась в Одессе) и Высший Суд на правах Сената (до этого он функционировал в Новочеркасске). Люди отныне могли доводить свои судебные дела до конца на территории Крыма. И эти благие дела объяснялись многими врагами как стремление правительства к сепаратизму. То, что связь с Одессой и Новочеркасском в это время была совершенно недоступна для простого человека, во внимание не принималось.

Финансовое благополучие правительства не внушало опасений (министр финансов Бардт). Конечно, никаких крупных реформ налоговой системы, действовавшей еще с царских времен, не предпринималось. Было только одноразовое обложение капиталистов. Действовали косвенные налоги, собирались налоги с населения, достаточно еще богатого в Крыму. Правительство дало пенсии многочисленным нуждающимся в этом людям, съехавшим из всех концов России — старым чиновникам, офицерам или их вдовам. Ни разу не пришлось прибегнуть к инфляции, не было ни скачков цен, ни перебоев с продуктами. Когда возникла острая нехватка мелкой монеты, разменных денег, правительство взяло на себя смелость выпустить денежные знаки по достоинством в 5, 10 и 25 рублей. Так как стоимость рубля по сравнению с довоенной упала в 25 раз, то это соответствовало 10, 20 копейкам и 1 рублю. Таким образом, обменный голод был удовлетворен, что также было истолковано недоброжелателями, как сепаратизм (еще бы — собственные деньги!).

Проблема земельных отношений стала заботой С. С. Крыма. Была создана комиссия, которая занималась разработкой закона о ценах на аренду земли. Это был животрепещущий вопрос, здесь разгорались настоящие баталии.

В первые полтора месяца существования второго крымского правительства Крым представлял собой диковинную картину. Несмотря на ничтожное количество войска, на малочисленную полицию («внутреннюю стражу»), не было ни стачек, ни демонстраций, ни вооруженных столкновений. Царила ничем не ограниченная политическая свобода: отсутствовала цензура, легально существовали все политические партии, выходили газеты всех направлений (только большевики боялись себя проявлять), существовал явочный порядок всех собраний и союзов, правильно функционировал старый русский суд. Было спокойно и на дорогах — никаких грабежей и насилий. Приезжие называли Крым счастливым полуостровом Утопией, настолько потрясал вид нормальной и спокойной жизни после страшных картин бушевавшей вокруг Гражданской войны.

Однако положение было не столь лучезарно. Все омрачали более чем сложные взаимоотношения с ДА.

На третий день после появления на полуострове, генерал Корвин-Круковский направил Деникину паническую телеграмму о том, что Крым переполнен большевиками, что сюда поставляется в большом количестве оружие, что необходимо ввести военное положение, арестовать всех подозрительных, забрать большевиков из тюрем и судить всех военным судом. Это было явным вмешательством в дела правительства и означало немедленную его отставку. Все сведения были ложными, а в списке «подозрительных» не оказалось ни одного большевика. С. С. Крым связался с Деникиным, который его успокоил, объяснив, что ни об арестах, ни о военном положении речь идти не может.

Но местное военное начальство оказалось весьма инициативным. 27 ноября генерал Корвин-Круковский приказал развесить объявления во всех городах о мобилизации офицеров, военных врачей и чиновников до 40 лет. Опять надо было связываться со ставкой. Деникин сразу отменил это распоряжение, так как прекрасно понимал, что мобилизацию может проводить только правительство, если оно есть. Мобилизацию объявляли потом дважды, но успеха она не дала: пришло ничтожное количество людей.

Довольно скоро местные военачальники были отозваны, и прислали генералов Боровского и Пархомова. Эти люди облегчили взаимоотношения с Деникиным, но положение дел обострялось с каждой неделей, и уже не по их вине. Военная контрразведка начала необоснованные аресты. Они совершенно не знали местное население и хватали не только невинных, но зачастую и преданных Белому движению людей, преимущественно евреев.

Крымскому правительству удавалось освобождать подавляющее большинство. Но не всех. Некоторых успевали расстрелять. Однако с контрразведкой можно было еще разговаривать, гораздо страшнее было самоуправство офицеров. Самым громким из таких дел стало убийство московского фабриканта Гужона, которого застрелили среди бела дня на террасе собственного дома, на глазах у всей семьи. Стреляло несколько человек в масках. Тщательное расследование доказало виновность офицеров ДА. Но так как Гужон был подданным Франции, дело всячески затягивали, чтобы не обострять отношения с французской армией, и никого не арестовали. На этот раз удалось хотя бы узнать фамилии преступников, чего, как правило, добиться было совершенно невозможно. И главнокомандующий, и его штаб были здесь бессильны. Нельзя забывать и о провокациях большевиков, которым зачастую удавалось войти в доверие к офицерам-деникинцам, а иногда и переодеться в их форму. К счастью, случаи убийств в эти месяцы были единичными и в основном происходили в Ялте. Во многих городах все было спокойно.

Основные разногласия между Деникиным и правительством сводились к борьбе с «внутренними» большевиками (у каждой стороны были свои представления о ее методах) и проблеме многого сепаратизма. Помимо сейма, «собственных» денег, высшего суда, ему не нравились также и самостоятельные переговоры М. М. Винавера с союзниками, и здесь он, конечно, был отчасти

прав. Вопрос о военном положении, постоянно возникавший, был совершенно абстрактен, у Деникина в то время не было достаточно сил, чтобы в полном масштабе заниматься еще и гражданскими проблемами Крыма. Но он не доверял правительству, считая, что излишняя мягкость опасна для их общего дела.

Деникин постоянно требовал запрета некоторых газет, отмены явочного порядка собраний. И в марте правительство было вынуждено пойти на уступки. Были изданы «исключительные законы», что вызвало бурю негодования всех социалистических партий и газет. Трудность заключалась еще и в том, что все министры всячески поддерживали ДА, зная ее великие заслуги, преклоняясь перед героизмом ее боевых офицеров, прекрасно понимая, насколько важны проблемы армии. Все переговоры были строго секретны. О разногласиях мало кто догадывался. А ведь, по сути дела, на полуострове царило двоевластие. И надо скорее удивляться, что целых четыре месяца в Крыму вообще существовала настоящая демократия.

Последний, пятый, месяц — с середины марта и до середины апреля — стал труднейшим. Большевики подходили уже к Перекопу и Сивашу. И отношения с Деникиным обострились до предела, когда С. С. Крым, с трудом добившись от местной военной власти разрешения на осмотр укреплений на перешейке, с ужасом выяснил, что никакой защиты там просто нет. Как это могло произойти, непонятно и сегодня.

Уже через несколько часов инженер Чалов занялся необходимыми работами по распоряжению правительства. Конечно, на лицо было вмешательство в военные дела, но ведь вопрос стоял о жизни и смерти Крыма. Рапорт Деникину был отправлен одновременно с началом работ, и главнокомандующий ответил совершенно истерическим письмом с приказом ввести военное положение. В защиту правительства выступил генерал Боровский, объясняя своему шефу, что крымская армия слишком малочисленна, чтобы выполнить этот приказ, а работы по укреплению перешейка совершенно необходимы. Уже на следующий день Деникин все отменил, Чалов продолжил свое дело, но эта вспышка раздражения говорила о настоящей ненависти, основанной на полном непонимании.

Конец всему положил приход большевиков. Члены правительства бежали вместе со своими семьями. Никто не знал, что армия закрепилась в Керчи. Петр Семенович Бобровский пишет, что знай он об этом, уехал бы к армии. Комендантом Севастополя назначили французского полковника Труссона. Он заявил С. С. Крыму и М. М. Винаверу, что на французские корабли их не допустит. Изысканная европейская вежливость сменилась грубостью настоящего солдафона. Больше всех был потрясен Винавер, он даже слег. Помогли греки, поместившие всех на грязное торговое судно «Трапезунда».

Но Труссон буквально орал на председателя правительства и министра финансов, требуя каких-то несуществующих денег, запретив всем отъезд. Когда три члена правительства (среди них — мой дед как секретарь) находились в севастопольском банке, где при них ломом вскрывали сейфы, ничего, конечно, не обнаружив, «Трапезунда» ушла в море. Свои семьи они нашли на маленьком, но таком же грязном греческом суденышке «Надежда». Но отчалили только через пять дней, вечером 15 апреля, уже под обстрелом Севастополя и Графской пристани.

Только для Крыма, Винавера и Набокова этот отъезд стал началом эмиграции. Богданов пробрался в Сибирь, к Колчаку, остальные министры вместе со своими семьями вернулись на родину в августе того же года. Деникин опять освободил Крым и двигался на север. Он уже объявил себя диктатором, отменив почти все демократические законы краевого правительства. Насколько при этом было несладко простым людям (многokrato увеличилось самосуды, на дорогах грабили и убивали, в горах хозяйничали «зеленые»), хорошо выразил, обращаясь к моему деду, один из бывших ярых противников «исключительных законов»: «Если бы я и мои друзьями завтра вдруг узнали, что ваше правительство пришло в Севастополь, мы бы на руках донесли всех вас в Симферополь».

Людмила Бобровская

В работе над статьей использовались мемуары П. С. Бобровского, книги Д. С. Пасманника «Революционные годы в Крыму» и М. М. Винавера «Наше правительство», статья В. А. Оболенского «В период крымского правительства». Иллюстрации — из книг Л. В. Бобровской и П. С. Бобровского «На чужой стороне», Е. Б. Алтабаевой «Смутное время. Севастополь в 1917—1920 гг.», коллекции В. Д. Миленко, а также из открытых источников.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ „РУССКОЕ СЛОВО“!

Подписку на 2011 год можно оформить

в редакции журнала по адресу: Vocelova 3, 120 00 Praha 2

или по электронному адресу ruslo.redakce@gmail.com

а также по телефону (+ 420) 221 419 830

Оплату годовой подписки в сумме 500 крон можно осуществить:

1. Наличными в редакции
/ Hotově v redakci
Vocelova 3, Praha 2

2. Переводом на банков-
ский счет / Bankovním
převodem na účet*
174582880/0300

* pro identifikaci vaší platby prosíme
uvádět variabilní symbol — jakékoliv
4místní číslo

3. Почтовым перево-
дом на адрес / Poštovní
složenkou na adresu
Ruská tradice, o. s.,
Vocelova 3,
120 00 Praha 2

В случае оплаты по счету-фактуре или для получения более подробной информации обращайтесь в редакцию / V případě platby na fakturu nebo pro další informaci prosíme kontaktujte redakci

Добро пожаловать в крымскую Вандею!

Культурная жизнь врангелевского Севастополя: осколки разбитой империи

Рассказывать о событиях почти столетней давности — задача не из легких. Того и гляди — поправишь очки на переносице и начнешь заученно-монотонно изрекать: «В одна тысяча девятьсот таком-то году...». И пошло-поехало — россыпь дат, фамилий, адресов, цитат. А хочется без пафоса. Хочется так, чтобы люди ожили, а эпоха стала понятной.

Кто справится с такой задачей лучше, чем очевидец событий? Кто подметит все оттенки и цвета хаоса Гражданской войны быстрее, нежели писатель-сатирик? Кому, наконец, современные русские прагматики поверят безоговорочно? Мы знаем такого человека — это Аркадий Аверченко. Что если бы писателю предложили осветить тему «Культурная жизнь Белого Севастополя»? Что бы у него получилось? Давайте попробуем представить.

Аркадий Аверченко у входа в севавтопольский Летний театр. 1920 год.

Здравствуйте, мой дорогой и преданный читатель!

Я — Аркадий Аверченко, в прошлом редактор питерского журнала «Сатирикон», а ныне скромный штатный фельетонист Белой газеты «Юг России» — приглашаю Вас в путешествие по врангелевскому Севастополю.

Садитесь в мягкое кожаное кресло, утоните в нем чуть не с головой, закурите сигару. Наполните рюмку темно-золотистым хересом — и слушайте, слушайте!

Нас — несколько сот тысяч человек, которые сидят в огромной яме, в раскаленном крымском котле, и я очень боюсь, что вся эта эпопея «сидения» со временем станет бледным, серым расплывчатым пятном без красок, фактов и очертаний. Я же хочу своим рассказом закрепить все, что может уплыть из памяти, расположить ясными, прямыми, правдивыми строками на более прочной, чем мозг человеческий, — бумаге.

Сейчас Вы узнаете о том, какими вдохновенными гранями сверкает наша культурная жизнь: об исключительных условиях, в каких приходится выступать артистам бывших императорских театров, о растущих, как грибы после дождя, кабаре, об ужасающем невежестве редакций крымских газет и, наконец, о том, как выживают мои собратья — писатели. О них мой первый рассказ.

Литература и пресса

Скажу сразу — что такое литература, в Крыму уже никто не помнит. На вопросы детей: «Как выглядит книга?» — родители стыдливо прячут глаза. Они не могут этого ни объяснить, ни показать на примере, потому что книг давно не видели. Русский интеллигент теперь вынужден отдирать для чтения со стен театральные афиши, приказы о мобилизации и, вероятно, кончит тем, что будет читать обертки от табака и клочки старых журналов, которыми оклеиваются зимние рамы. Поэтому не будем о литературе.

Все уважающие себя писатели нынче вернулись к тому, с чего когда-то начинали, то есть к журналистике. Я, к примеру, веду рубрику «Маленький фельетон» в газете «Юг России». Вместе со мной работает весь костяк бывшего сытинского «Русского слова»: М. В. Бернацкий, С. И. Варшавский, К. В. Орлов, А. С. Панкратов, фельетонист

Александр Яблоновский. Бывший шеф моих коллег — Влас Дорошевич — тоже здесь, в Севастополе. Правда, он очень плох (недавно перенес инсульт), из своего дома на Екатерининской выходит редко и контактировать с прессой категорически отказывается.

Нам удалось привлечь в состав сотрудников «Юга России» писателей Евгения Чирикова и Ивана Шмелева. Оба живут на Южном берегу Крыма и материал для газеты посылают с оказией.

Евгений Николаевич Чириков пишет антибольшевистские памфлеты и замечательные рассказы о своем житье-бытье на даче в Батилимане. А житье такое: вместо посуды — консервные банки, вместо мебели — ящики, впереди, куда хватит глаз, — море, позади — горы. Все. До ближайшего жилья не менее шести верст. Питаются соленой камсой. Как-то у них был праздник: на берег выбросило

Влас Михайлович Дорошевич (1864—1922) — журналист, писатель, «король фельетона». Редактировал «Русское слово» вплоть до 1918 года. Умер в Петрограде.

Евгений Николаевич Чириков (1864—1932) — русский писатель и драматург. В Севастополь приехал из Ростова-на-Дону, где сотрудничал с литературным отделом ОСВАГа. Посвятил событиям Гражданской войны роман «Зверь из бездны». Умер в Праге.

Иван Сергеевич Шмелев (1873—1950) — русский духовный писатель. С 1918 года жил в Алуште. Оставался в Крыму после его занятия Красными частями в ноябре 1920 года, посвятил этим событиям эпопею «Солнце мертвых». Умер в Бюси-ан-Отт под Парижем.

мертвого полупротухшего дельфина, так его жир выменивали у татар на яйца и молоко. А то еще однажды море поделилось с ними разбитой фелюгой. Просто подарок судьбы: доски, бревна, проволока, цинковые листы, гвозди! М-да, с большевистской культурой все мы до известной степени превратились в Робинзонов Крузо...

Иван Сергеевич Шмелев живет в Алуште, на какой-то Орлиной горе и, вероятно, общается там преимущественно с орлами да еще с Сергеевым-Ценским, который, по слухам, получил от большевиков охранную грамоту.

Газет в Севастополе выходит великое множество — «Крымский вестник», «Великая Россия», «Заря России», «Вечернее слово», «Святая Русь», «Царь колокол», «Военный голос»... За редким исключением, уровень их ниже низкого; о периферийной прессе и вовсе говорить не приходится. Например, симферопольский «Таврический голос» распоряжается всей Европой, как хочет. Посудите сами: Франция выбрала в президенты Поля Дешенеля, а «Таврическому голосу» это не понравилось. Отменил. Назначил вместо него — Клемансо, которому как президенту Франции и посвятил прочувствованную статью. Таким образом, во всей истории Франции в первый раз — президент — по назначению. И по назначению не кого-нибудь, а «Таврического голоса»! А вот еще милое феодосийское «Вечернее время», печатающее ужасающие стихи наподобие:

*Хорошо вам в рамке с (?)
Красной диспозиции
Говорил Нахамкес
В дерзостной позиции.*

Автор — В. Руадзе. Даст же Бог человеку талант состричь так, будто зубр сделал антраша в посудной лавке! Володя Руадзе, ты и в Питере остричь пытался, и в «Сатирикон» ко мне приходил. Еще тогда тебя умолял — займись чем-нибудь другим! Вспомни, наконец, анекдот. Одного поэта спросили: «Почему вы стихи пишете?» — «Руки у меня чешутся» — «А вы попробуйте чаще их мыть».

Морская библиотека

В Севастополе есть чудесная библиотека — Морская. Ее старший библиотекарь качается от голода — он получает в месяц 2400 рублей, в то время как чистильщик

Морская библиотека

сапог на бульваре получает ровно в десять раз больше — 24 тысячи. Даже сторож библиотеки получает в четыре раза больше старшего библиотекаря. Где же выход? Выход единственный: библиотекари — все на улицу! Начищайте сапоги прохожим!

Образование

Образования в городе нет.

Дети учат грамоту по обрывкам энциклопедических словарей, в которые торговцы заворачивают селедку.

Туризм

В области путешествий мы медленно, но верно возвращаемся к традициям средневекового Востока. Простая поездка в Ялту превратилась в подвиг. Странники собираются в большой караван, вооружаются до зубов, издают воинственные клики, но все это не спасает. На «роковой» 20-й версте ялтинского шоссе возница останавливается как вкопанный и заявляет, что дальше не поедет — за поворотом грабят «зеленые». Ну, видел я их однажды. Тому, что они грабят, — верю сразу. Но вот не верю, чтобы это были зеленые. Почему тогда на них коричневые и «защитные» рубашки, а физиономии у них от хорошей жизни то ли еще от чего — ярко-красные?

Театры и актеры

Вот уже третий год как бежит, бежит русский актер, оставляя за своей спиной Петроград, Москву, Киев, Харьков, Одессу, Ростов-на-Дону, Новороссийск... Сейчас всем нам плохо, все мы бедны, ограблены и неустроены, но русский актер — это нищий среди нищих, самый голый и голодный среди раздетых и недоедающих. Все мы хоть имеем право на труд, а актер понемногу теряет и это право. Ему нужно искать театр, чтобы играть, ибо играть — значит, спастись от голодной смерти. И вот наш русский актер, прорвавшийся в Севастополь из очередного большевистско-маховского оцепления, начинает метаться по городу в поисках помещения. И здесь его ждут сюрпризы: играть негде.

Вот это — лучший в городе театр «Ренессанс» на Нахимовском проспекте. Именно сюда чаще всего спешит по вечерам севастопольский зритель, на ходу разглаживая надетый в полной темноте фрак. Здесь с ноября 19-го года выступают артисты Московского Петровского театра во главе с Марией Николаевной Нининой-Петти. Прислушайтесь... Слышите?

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!*

Ну, конечно, — Вертинский в сотысячный раз исполняет своих «Мальчиков». Эта песня уже снится ему в кошмарах, он

Театр «Ренессанс»

Александр Николаевич Вертинский (1889—1957) — российский шансонье. Автор песен и романсов. Эмигрант. Жил в Турции, Румынии, Франции, Китае. В 1943 году вернулся в СССР. Автор мемуаров «Дорогой длиною...». Играл в кино, гастролировал. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Морское собрание

вздрагивает по ночам от каждого шороха: боится, что вновь прибыли адъютанты Якова Слащева и повезут его в генеральский вагон петь все тех же «Мальчиков».

Вертинский устал, Вертинский капризничает. Он заявляет, что не может петь в театре, где по ручкам кресел ползают вши... Наверное, он скоро уедет. Однако попробуйте отнять у Вертинского сцену «Ренессанса» — не советую! И вот бежит дальше русский актер, которому негде играть. И добегают он до...

...Морского собрания. Здесь всюду — пафос: канделябры, гардины, портреты государя и военачальников, зимние сады. И здесь — очень дорого.

Стоит безработный русский актер рядом с бронзовым Нахимовым и чешет затылок в нерешительности: потянет ли он зал Морского собрания? Не прогорит ли?

Накладно, рискованно... Что-то вы говорите? В Летнем театре дешевле? Побежал артист дальше. Пересек площадь Нахимова и вот он перед

... Летним театром на Приморском бульваре. Какой чудесный сказочный теремок, как здесь, должно быть, хоро...

— Куды? Кто такой?

Дорогу актеру преграждает мощный «хохол с вусамы» — сам Степан Александрович Глазуненко, руководитель украинской музыкальной труппы. В этом театре весной и летом хозяин он.

— А зимой? — робко спрашивает отчаявшийся актер.

— А зимой туточки — Северный полюс, — смеется Глазуненко.

Летний театр

Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин (1881—1945) — знаменитый российский театральный актер. Активный пропагандист Белого движения. В Харькове в 1919 году верхом на белом коне, с трехцветным флагом на пике и большой церковной кружкой у седла собирал пожертвования и подарки для «добровольцев». Был приговорен большевиками к смертной казни. Чудом спасся и оказался в Севастополе. Остался в СССР. Во время гитлеровской оккупации Киева сотрудничал с нацистами. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Все — стоп, машина. Дальше бежать некуда. Но русский актер на то и русский, чтобы уцепиться корнями за самую бесплодную, голую скалу. И вот двое моих друзей — бывшие артисты императорских театров Всеволод Блюменталь-Тамарин и Михаил Муратов — добежали аж до Корабельной стороны, места глухого и непросвещенного, заселенного дремучими портовыми рабочими. Они разыскали дом, отдаленно напоминающий театр, со звучным именем «Наука и жизнь».

Проваливаясь по колено в сточные канавы и конский навоз, отгоняя пасущихся коз и коров, два энтузиаста рьяно взялись за репертуар Островского. Но и этого мало — они ухитрились создать Вокально-драматическую студию и набрать в нее желающих научиться петь, играть на сцене и танцевать. Вашего покорного слугу они, кстати, привлекли читать лекции об истории драматического искусства (а, между нами, что я об этом знаю?!).

А вот вам другой анекдот: моя многолетняя партнерша и близкий друг Мария Марадудина, артистка разговорного жанра, и вовсе установила прецедент — она устроила свой авторский вечер в зале института физических методов лечения! Идет публика к артистке мимо кабинетов физиотерапии, купален, грязевых ванн и в таком милом окружении слушает себе юмористические рассказы в исполнении Марадудиной. Зритель наш давно ко всему привык, а дирекции института — что? Пить-есть всякому

надо, и они тоже не прочь заработать свой процент.

На актере сейчас зарабатывают все, кому не лень. Актер платит за помещение, за декорации, за реквизит, за костюмы, за рекламу — газетную и афишную — он платит за все. Вечером он мажет себе лицо плохим гримом (хорошего теперь нет), который не хочет ложиться на невыбритое лицо (в Севастополе нет воды — вообще!), наконец, он играет, вынося на своей шкуре огромное нервное напряжение, а к концу вечера приходит податной инспектор и забирает из сбора... 40 процентов! Половина идет на нужды города, половина — на нужды Добровольческой армии. Вы спросите, что же остается актеру?... Да практически ничего, и вот он, голодный и холодный, бредет по севастопольской улице и заходит в сапожную мастерскую.

— Послушайте, дорогой мой, — говорит он сапожнику, — я зашел к вам по очень важному делу: скажите, в какой срок можно хорошо научиться шить ботинки?

— А вам зачем?

— Да вот, хочу выучиться, зарабатывать деньги буду.

— Это долго, учиться-то. Не меньше шести месяцев. Будет ли у вас столько времени?... Вы чем же, вообще, занимаетесь?

— Я артист императорских театров N...

— Да что вы говорите?! Как же, я знаю вас, большой поклонник вашей игры... Я сам иногда... Меня очень тянет к театру. Кстати, послушайте: вы не возьметесь ли учить меня драматическому искусству?

Актер изумлен:

— Да вам зачем?!

— Для души хочу. Скучно так. И зарабатываю я много, а все скучно. Очень к театру тянет.

— Гм... А мне, знаете ли, скоро есть будет нечего. Вот и хочу по сапожному делу пойти.

— И прекрасно. Вы учите меня, а я вас. Договорились.

Слава Богу, хоть этот устроился.

Не всем так повезло: некоторые работают на пароходе «Рион» кочегарами. Думаете, сочиняю? Ничуть. Сейчас странное и удивительное время, когда писателю почти не приходится прибегать к помощи фантазии, не приходится выдумывать... Все готово и без тебя.

Кабаре

Недавно англичане познакомились с Севастополем — так после музея Панорамы их более всего поразил какой-то единственный дом на Нахимовском проспекте, где не было кабаре... Вот уж действительно — промах так промах! Как стыдно-то перед иностранцами! А если серьезно, то мы давно не представляем своей жизни без всех этих «Интимных театров», «Арлекинад», «Домов артиста», «Привалов комедиантов». Каюсь, грешен и я: начи-

нал с того, что писал куплеты для певичек. Слышали частушку:

*Мой миленок — большевик —
Избран был вчера во вцик —
Вот теперь он цыкнет!
Издавал буржуйчик крик —
А теперь не пикнет?!*

Я придумал.

Скажете — дрянь? Согласен, но жить мне как-то надо?

Начал я с куплетов, затем дошел до того, что стал исполнять роли в собственных пьесах. (Если уж моему детищу суждено быть покалеченным, то лучше я покалечу его сам — но не доверю этого никому другому). Теперь я уже пал до такой степени, что работаю конферансье в кабаре «Гнездо перелетных птиц» на Екатерининской, 8.

Вот этот дом — гостиница Ветцеля. Место хорошее, людное. Еще бы ему не быть людным: здесь ставят выездную визу. Так что, соберетесь в Европу — Вам сюда! А как потолкаетесь да помаетесь пару-тройку дней да получите, наконец, вождеденное разрешение покинуть Севастополь, спускайтесь в наш подвал (завтра — моя «научная» лекция о Турции с иллюстрациями, начало в 9 вечера, приходите непременно!). Иначе вы так никогда и не получите обстоятельного ответа на животрепещущий вопрос — где сейчас большевики? В нашем же кабаре все давно известно.

— Слышали новость?

— ???!

— В N. (название города можете пропустить по своему вкусу) большевики.

— Откуда узнали?

— Из первых рук. Племянник приехал. Рассказывает.

— Врет ваш племянник.

— Не такой человек мой племянник, чтоб врать.

— А у меня точные сведения, что N. в руках добровольцев. Все спокойно.

— Кто рассказывал?

— Племянник приехал. Только что оттуда.

Обведите глазами зал: весь он до краев наполнен только дядями и племянниками, дядями и племянниками. Иногда их трескотня выводит из себя офицеров — от всего осатаневших и во всем разуверившихся. Они могут сделать что угодно: выстрелить в люстру или в человека. Особой разницы нет. Уважения к арти-

Гостиница Ветцеля

Леонид Витальевич Собинов (1872—1934) — знаменитый оперный певец, тенор. «Премьер» московского Большого театра. В 1919—20 годах жил в Балаклаве под Севастополем. Оба сына сражались на стороне Белой армии. После занятия Севастополя большевиками Собинов возглавил театральное дело в городе и стоял у истоков современного Драматического театра имени А. В. Луначарского.

Зал «Ампир»

стам — тоже нет. Задыхаясь в табачном дыму и угаре, поет «лукавые песенки» Лена Бучинская, дочка писательницы Тэффи. Пытается перекричать и рассмешить публику Лев Фенин, некогда блиставший в петербургском «Кривом зеркале». Но гам мгновенно смолкает, когда на сцену выходит Леонид Собинов (*sic transit gloria mundi!*) и начинает исполнять старинные итальянские романсы. Я слушаю его, затаив дыхание, и непроизвольно разглядываю. На артисте — старый порывевающий фрак и добротные лакированные туфли из «прошлой» жизни. Держитесь еще, голубчики? Видали вы виды: сверкали вы на залитых ослепительным светом эстрадах Дворянского Собрании и Малого зала Консерватории, на ослепительном паркете Царскосельского, Красносельского, Мраморного дворцов. А нынче вы не сверкаете больше, лакированные туфли. И будете вы тускнеть и тускнеть, все более покрываться налетом старины, переезжая из Севастополя в Симферополь, из Симферополя в Карасубазар, из Карасубазара в какой-нибудь Армянск...

Впрочем, я отвлекся.

Кинематограф

А это — лучший в городе кинематограф — зал «Ампир» на Большой Морской улице. Прекрасный буфет, музыка, пиво.

Какой же русский не любит кинематографа! Без него наша жизнь была бы и вовсе беспросветной. Благо, фильмы у нас — не дефицит (все остальное — страшный дефицит). Теперь весь российский кинематограф сосредоточен в Ялте: там Ханжонков и Ермольев, Мозжухин и Рындина. Процесс производства и потребления чрезвычайно упростился: в Ялте снимают кино — в Ялте и показывают. Привозят и к нам. Перед сеансом — лекции наподобие «Искусство ли кинематография и как надо играть в кино».

Смотрели недавно «Камо грядеши». Усмехались: это Нерон-то был кровавый палач? Да большевики ему утерли нос стократно.

Народные гуляния

Народ любит гулять. Даже во время Гражданской войны. Даже качаясь от голода и холода.

Где в Севастополе гуляют? Разумеется, на бульварах.

По большим праздникам (к которым в последнее время прибавился День основания Добровольческой армии) городская Дума устраивает праздничные гуляния на Приморском и Историческом бульварах. Чистый сбор поступает на нужды армии. Вход на бульвары становится платным. Обязательно организуется аукцион. Помните, кто-то купил ноты гимна Добровольческой армии «Трехцветный флаг» за десять тысяч рублей! Более всех этим фактом был ошарашен Мирон Якобсон — автор музыки гимна (накануне он собрал гораздо меньшую сумму за целый симфонический концерт в «Ренессансе»). Во время гуляний поощряются все виды благотворительности. Представьте себе, ходил с шапкой для пожертвований по Приморскому бульвару даже бывший премьер Александринки Николай («Кока») Ходотов, легенда петербургской богемы. Никто не мог устоять перед его «песенками сборов»:

*Мы пришли за сбором к вам
С песней заливхватской,
Положите в шапку нам
На паек солдатский.
В нашей-то шапочке много рублей,
Мы их собрали от добрых людей...*

И насобирал тогда Кока четыре тысячи. Где-то он сейчас?..

Николай Николаевич Ходотов (слева) во время исполнения «песенок сборов». Ходотов Н. Н. (1878—1932) — один из самых известных театральных артистов дореволюционной России, «премьер» Александринского театра. Друг В. Ф. Комиссаржевской и Ф. И. Шляпкина. В Севастополе в 1919 году проходил курс реабилитации после инсульта. Остался в СССР. Автор мемуаров «Близкое и далекое», в которых отрицает факт своего сотрудничества с добровольцами.

Дом по Екатерининской 83

Спиритизм

Вы спросите, зачем я включил в свой рассказ такой странный раздел? Так я вам скажу — без спиритов, хиромантов и прочей нечисти жизнь русского беженца — это не жизнь или это не русский беженец.

Перед вами дом № 83 по Екатерининской улице. Вы скажете — ничего особенного? Вы плохо осведомлены. Этот дом особенный. Здесь живет оккультист, астролог и предсказатель по звездам и планетам турок Сулейманов, изучивший великие науки Индостана и умеющий предсказывать прошлое, будущее и даже настоящее. Плата по соглашению (сам помещал в «Юге России» его рекламу). Сколько беспокойных ног прошло по этому крыльцу! Какой заговорщицкий шепот раздавался под этими сводами: «Когда падут большевики?» Не знаю уж, что там отвечает турок Сулейманов, а я скажу так: конец большевизма настанет 7 декабря в половине шестого вечера! Откуда я знаю, что это произойдет? А почему Вы думаете, что этого не произойдет?

Чародей — это всегда несколько страшно, и не все отваживаются посещать его, скажем так, «на дому». А вот когда волшебник выступает в цирке — это другое дело! Недавно весь Севастополь сошел с ума: у нас гастролировал профессор-гипнотизер (?) Семблерус. Мы в редакции долго смеялись над его рекламой: «Отсечение головы у человека желающего из публики». А в чем аттракцион-то? Зачем допись: «Нервных просят не смотреть»? Нынешний севастополец скорее лишится чувств при виде шоколадной конфеты, нежели при виде отсеченной головы.

Волшебство турка Сулейманова и Семблеруса оказалось заразительным. Встречаю вчера знакомого генерала, а тот и говорит мне так таинственно и глазом, знаете ли, подмигивает:

— Вам нужно отсюда уезжать... Скоро здесь будет так жарко, что не выдержите...

— Жарко?! Но ведь уже осень, — чрезвычайно удивился я.

— Вот-вот. А цыплят по осени считают. Смотрите, причтут и вас в общий котел... Говорю вам — очень жарко будет!

— Я всегда знал, что климатические условия в Крыму колеблющиеся, но не до такой же степени, чтобы в октябре бояться солнечного удара?!

— А кто вам сказал, что удар будет «солнечный»? — загадочно прищурился генерал и отошел от меня.

Кто мне расшифрует это предсказание?

В роли Аркадия Аверченко

Виктория Миленко

В тексте использованы фрагменты фельетонов А. Аверченко периода «врангелевского сидения»

В 1919 году работал над фильмом «История одного артиста» режиссером Феликсом Шляпкиным. В Севастополе снимался в роли артиста.

Личное письмо государственной важности

Барон Врангель:

«Мои предсказания пророчески сбылись...»

Перед вами документ, ценность которого поймут не только специалисты, но и каждый внимательный читатель: текст личного письма барона Петра Николаевича Врангеля, адресованного Антону Ивановичу Деникину. Письмо написано 13 февраля 1920 года в городе Севастополе. Барон Врангель анализирует в нем не только боевые действия Белой армии под началом Деникина и причины поражения войск адмирала Колчака, но упрекает Деникина в пристрастии к красивым словам о «горячо любимой родине», не подкрепленным конкретными делами.

Публикация этого письма дополнит еще один штрих к картине исторических событий Гражданской войны, прибавит контрастности и поможет правильному пониманию драмы Белой армии.

*Генерал-лейтенант
Барон Врангель
13 февраля 1920 г.
г. Севастополь*

Милостивый Государь,
Антон Иванович!

Английский посол Сеймур передал мне от имени Начальника Английской Миссии при вооруженных силах на Юге России, генерала Хольмана, что Вы сделали ему, генералу Хольману, заявление о Вашем требовании оставления мною пределов России, причем Вы обусловили это заявление тем, что вокруг моего имени объединяются все те, кто не доволен Вами.

Адмирал Сеймур предложил мне использовать для отъезда за границу английское судно.

Ровно полтора года тому назад я прибыл в Добровольческую Армию и стал добровольно в Ваше подчинение, веря в то время, что Вы честный человек, ставящий благо Родины выше личного и готовый положить всю жизнь за спасение Отечества.

Полтора года я сражался в рядах Вооруженных Сил Юга России, неизменно ведя мои войска к победе и не раз в самые тяжелые минуты спасая положение.

Моя армия освободила Северный Кавказ. На совещании в Минеральных Водах 6 января 1919 года я предложил Вам перебросить ее на Царицынское направление, дабы подать помощь Адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге. Мое предложение было отвергнуто, и армия стала перебрасываться на Донецкий Бассейн, где до мая месяца вела борьбу под начальством генерала Юзефовича, заменившего меня во время моей болезни.

В апреле, едва поправившись, я принял армию и рапортом от 14 апреля за № 82 вновь указал о необходимости выбрать главным операционным направлением Царицынское, предупреждая, что противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

Мои предсказания пророчески сбылись, и к середине апреля противник перешел Маныч и, выйдя в тыл Добровольческой Армии, подошел на 12 верст к Батайску.

Перед грозной опасностью сюда спешно стали перебрасываться наши части, главным образом, конница, и Вы приняли над нами личное руководство. Противник был оттеснен за Маныч, все же наши

попытки форсировать реку успеха не имели. 4 мая мне было предложено Вами объединить войска Манычской группы, и уже 8 мая я, разбив X Армию красных под Великокняжеской, стал быстро продвигаться на север. 17 июня я занял Царицын и стал продвигаться вверх по Волге; одновременно Добровольцы заняли Харьков.

Военное счастье улыбалось Вам, росла слава Ваша, и с нею вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты...

Совпавши с целым рядом наших побед, Ваш приказ о подчинении Вас Адмиралу Колчаку доказывал, кажется, противное. Будущая история покажет, поскольку этот Ваш шаг был добровольен...

Вы пишете, что подчиняетесь Адмиралу Колчаку, отдавая свою жизнь служению «горячо любимой Родине» и ставя превыше всего ее счастье...

Не жизнь приносите Вы в жертву Родине, а только власть. И неужели же подчинение другому лицу для блага Родины есть жертва для честного сына ее? — Ту жертву не в силах был уже принести возвестивший ее, упоенный новыми успехами честолюбец... И, предоставленный самому себе, Адмирал Колчак был раздавлен и начал отходить на Восток.

Тщетно Кавказская Армия пыталась подать руку помощи его войскам: истомленная походом по безводной степи, обескровленная, слабо пополненная, она к тому же времени ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски на фронт Доброй Армии, войска которой, почти не встречая сопротивления, шли к Москве.

В середине июля мне, наконец, удалось связаться с Уральцами и с целью закрепления этой связи я отдал приказ 2-й Кубанской Дивизии генерала Говорущенко переброситься в районе Камышина на левый берег Волги. Нижеприводимые две телеграммы, полагаю, достаточно ясно освещают вопрос о стремлении высшего командования подать помощь Сибирским Армиям Верховного Правителя:

1) «Для доклада Главкому прошу срочно сообщить, чем вызвана переброска отряда генерала Говорущенко на левый берег Волги? Переброска столь крупного отряда, в связи с необходимостью вы-

деления Терской Дивизии и возвращения Донцам их первого корпуса, слишком ослабит части армии на главных операционных направлениях. Таганрог 16 июля № 010276. Романовский».

2) «Таганрог. Генералу Романовскому. 010276. Переброска частей генерала Говорущенко на левый берег Волги имела целью скорейшее соединение с войсками Верховного Правителя и намечалась в связи с передачей в состав Кавармии 1-го Донского Корпуса и обещанным прибытием 2-й Пластунской Бригады, о начале переброски которой я был телеграфно уведомлен. Отход Уральцев на Восток и намечаемая передача Донцам Первого Корпуса, задержание в Доброармии 2-й Пластунской Бригады и приказание направить туда же Терцев, конечно, в корне меняют положение. При этих условиях не только перебросить что-либо на левый берег Волги, в районе Камышина, не могу, но и от всякой активности в северном направлении вынужден отказаться. Боевой состав армии таков, что при указании действовать одновременно на Астраханском направлении и Саратовском, последнее направление могу лишь наблюдать. Царицын, 16 июля 1919 года. № 015549. Врангель».

Войска Адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты.

Оренбуржцы положили оружие, и лишь горсть Уральцев в безводных степях продолжает оказывать врагу сопротивление. Покончив с Сибирскими войсками, противник стал сосредоточивать части к Саратову, имея целью обрушиться на ослабленную кавказскую армию, отбросить ее к Югу и тем обеспечить коммуникацию своего Восточного фронта. Письмом от 29 июля я обратился к Вам, указывая на тяжелое положение моей армии и на неизбежность, благодаря ошибочной стратегии, поворота боевого счастья. Я получил ответ, что «ежели бы я следовал совету моих помощников, то Вооруженные Силы Юга не достигли бы настоящего положения».

Мои предсказания, увы, сбылись и на сей раз: кавказская армия под ударами второй, четвертой, десятой и одиннадцатой армий красных была отброшена к югу, и хотя с беспримерной доблестью

разбила, опираясь на укрепленную Царицынскую позицию, все четыре неприятельские армии, но сама потеряла окончательно возможность начать новую наступательную операцию. Отбросив к югу мою армию, противник стал спешно сосредоточивать свои силы для прикрытия Москвы и, перейдя в наступление против армии генерала Маевского, растянувшейся на огромном фронте, лишенной резерва и плохо организованной, легко заставил ее начать отход.

Еще в то время как добровольцы победно двигались к сердцу России, и слух Ваш уже улавливал трезвон Московских колоколов, в сердцах многих Ваших помощников закрадывалась тревога. Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать России... Не имея организованного тыла, не подготовив в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и отходя по местностям, где население научилось ее ненавидеть, Добровольческая Армия, начав отступление, стала безудержно катиться назад.

По мере того, как развивался успех противника, обнаруживалась несостоятельность нашей стратегии и политики.

Русское общество стало прозревать... Все громче и громче стали раздаваться голоса, требующие смены некоторых лиц Командного состава, предосудительное поведение которых стало достоянием общества, и назывались имена Начальников, имена которых среди общего падения нравов оставались незапятнанными.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивши власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже не думали о спасении Отечества, а лишь о сохранении этой власти.

17 октября генерал Романовский телеграммой запросил меня, какие силы мог бы я выделить из состава кавказской армии на помощь Добровольческой. Телеграммой от 18 октября за № 03533 я ответил, что при малочисленности конных дивизий, переброской одной—двух дивизий, остающиеся части кавказской армии, ввиду их малочисленности, я предложил свести в отдельный корпус во главе с ген. Покровским.

Стратегическое решение напрашивалось само собой: объединение сосредоточенных уже в районе Купянска 4-го Донского и 3-го Конного Корпусов, Терской и Отдельной Донской Дивизий, вновь перебрасываемых 3-х с половиной кубанских Дивизий, и использование для управления конной массой Штаба Кубанской Армии. На этом решении настаивали все три Командующих Армиями и ген. Маевский. Но в желании старших Начальников и армии и Общества видеть меня во главе войск, действующих на главнейшем направлении, Вы уже увидели для себя новую опасность.

Еще до занятия Царицына, когда я и бывший в то время Начальник Штаба моей армии генерал Юзефович предложили сосредоточить в районе Харькова крупные массы конницы, объединив их под моим начальством, Вы высказали на совещании достойное Вас предположение, что мы стремимся первыми войти в Москву. Теперь падение обаяния Вашего имени Вы видели не в Ваших ошибках, а в непостоянстве толпы, нашедшей себе нового кумира...

Из состава Кавказской армии были взяты только две дивизии, и хотя впоследствии сама обстановка вынудила Вас перебросить три с половиной дивизии, но время было упущено безвозвратно, и вводимые в бой по частям войска терпели поочередно поражения. Еще 11 ноября Вы, в ответ на мои повторные настояния, писали мне, что «после детального обсуждения» отказываетесь от предложенной мною перегруппировки, а через 10 дней, 22-го, когда уже выяснилась потеря Харькова и неизбежный отход в Донецкий Бассейн, Вы телеграммой вызвали меня для нового назначения принятия Добровольческой Армии с подчинением мне конной группы.

Об оказании серьезного сопротивления противнику думать уже не приходилось. Единственно, что еще можно было сделать, — это попытаться вывести ее на соединение с Донской и прикрыть Ростовское направление... Я это сделал после тягчайшего 350-верстного флангового марша.

По мере того как армия приближалась к Ростову и Новочеркаску, тревога и неудовольствие росли. Общество и армия отлично учитывали причины поражения, и упреки Высшему Командованию раздавались все громче и громче...

Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук... Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

9 декабря я подал Вам рапорт с подробным указанием на причины постигших нас неудач и с указаниями на необходимость принятия спешно ряда мер для улучшения нашего положения. Я указал на необходимость немедленно начать эвакуацию Ростова и Новочеркасска, принять срочные меры по укреплению плацдарма на правом берегу Дона... Ничего сделано не было, но зато в ответ на рапорт мой последовала Ваша телеграмма всем командующим армиями с указанием на то, что «некоторые из начальников позволяют себе делать мне заявления в недопустимой форме», требуя беспрекословного повиновения...

В середине декабря, имея необходимость выяснить целый ряд вопросов (мобилизация населения, конная мобилизация в занятом моей армией Таганрогском округе, разворачивание некоторых Кубанских частей и т. д.) с генералами Сидориним и Покровским, я просил их прибыть в Ростов для свидания со мною. Телеграммой об этом мною им было сообщение, копия же сего была препровождена Генералу Романовскому для сведения. На следующий день я получил Вашу циркулярную телеграмму всем командующим армиями; в ней указывалось на «недопустимость» моей телеграммы с запрещением Командующим выезда из пределов их армий.

По-видимому, этими мерами Вы собирались пресечь возможность чудившегося Вам заговора Ваших ближайших помощников.

20 декабря Добрармия была расформирована, и я получил от Вас задачу отправиться на Кавказ для формирования Кубанской и Терской конниц. По приезде в Екатеринодар я узнал, что несколькими днями раньше прибыл на Кубань генерал Шкуро, получивший от Вас ту же задачу. Хотя впоследствии Вы это и пытались отрицать, намекая, что генерал Шкуро действовал самозванно, между тем в печати генерал Шкуро совершенно определенно объявил о данном Вами ему поручении, и объявления его Вашим Штабом не опровергались. При генерале Шкуро состоял Генерального Штаба полковник Гонтарев, командированный в его распоряжение генералом Вязьмитиновым; при нем же состояли (неизвестно для меня кем командированные) два агента контрразведывательного Отделения, братья Карташевы. Последние вели агитацию специально против меня среди казаков, распространяя о моих намерениях произвести переворот, опираясь на «монархистов» и желания принять «Герман-

Петр Николаевич на миноносце Русского флота перед тем как покинуть берега России

скую ориентацию»... В конце декабря генерал Шкуро был назначен командующим Кубанской Армии, а я, оставшись не у дел, прибыл в Новороссийск.

Еще 25 декабря я подал Вам рапорт, указывая на неизбежность развала на Кубани и на необходимость удержания Новороссии и Крыма, куда можно было бы перенести борьбу. Доходившие из этих мест тревожные слухи, в связи с пребыванием моим в столь тяжелое для Родины время «не у дел», не могли не волновать Общества. О необходимости использовать мои силы Вам указывалось неоднократно и старыми военачальниками, и государственными людьми, и общественными деятелями. Указывалось, что при самостоятельности Новороссийского и Крымского театров разделение командования в этих областях необходимо. Подобная точка зрения поддерживалась и Английским Командованием. Лишь через три недели, когда потеря Новороссии стала почти очевидной, Вы согласились на назначение меня Помощником генерала Шиллинга по военной части, а 28 января, в день моего отъезда из Новороссийска, я уже получил телеграмму генерала Романовского, что «ввиду оставления Новороссии должность помощника Главноначальствующего замещена не будет».

В Новороссийске Вашим Штабом за мной велась самая недостойная слежка; в официальных донесениях Новороссийских Органов контрразведывательных отделений Вашего Штаба аккуратно сообщалось, кто и когда меня посетил, а генерал-Квартирмейстер Вашего Штаба позволял себе громогласно, в присутствии посторонних офицеров, говорить о каком-то «внутреннем фронте в Новороссийске, во главе с генералом Врангелем»... Усиленно распространяемые Вашим Штабом слухи о намерении моем «произвести переворот» достигли и заграницы: в Новороссийске меня посетил прибывший из Англии г. Мак-Киндер, сообщивший мне, что им получена депеша от его Правительства, запрашивающая о справедливости слухов о произведенном мною «перевороте». При этом г. Мак-Киндер высказал предположение, что исходом к этому слуху могли послужить ставшие широким достоянием Ваши со мною неприязненные отношения. Он меня просил, если найду возможным, с полной откровенностью высказаться по затронутому им вопросу. Я ответил ему, что не могу допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против «Начальника, в добровольное подчинение которому встал сам», уполномочив его в то же время передать его Правительству, что достаточной порукой сказанного является мое слово и вся прежняя моя боевая служба.

В рапорте от 31 декабря за № 85 я подробно изложил Вам весь разговор, имевший место между г. Мак-Киндером и мною, представив в Ваши руки документ, в достаточной мере, казалось бы, долженствовавший рассеять Ваши сомнения.

Вы даже не ответили мне...

Не имея возможности принести посильной помощи в защите Родины, потеряв веру в ВОЖДЯ, в добровольное подчинение которому вначале борьбы я стал, потеряв и всякое к нему уважение, я подал в отставку и выехал в Крым «на покой». Мой приезд в Севастополь совпал с выступлением капитана Орлова. Выступление это, глупое и вредное, но выбросившее лозунг «борьбы с разрухой в тылу и укрепления фронта», вызвало бурю страстей: исстрадавшиеся от безвластия, изверившиеся в выкинутые Властью лозунги, возмущенные преступными действиями ее Представителей, Армия и Общество увидели в выступлении Орлова возможность изменить существующий порядок. Во мне увидели человека, способного дать то, что жаждали все. Капитан Орлов заявил, что подчинится лишь мне. Прибывши в Крым после падения Одессы, генерал Шиллинг, учитывая положение, сам просил Вас о назначении меня на его место. Командующий Флотом и Помощник Ваш, генерал Лукомский, поддерживали его ходатайство. Целый ряд общественных групп, представители духовенства, представители народов Крыма, просили Вас о том же. На этом же настаивали представители и Союзников.

Все было тщетно...

Цепляясь за ускользавшую из Ваших рук власть, Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая «самостийникам», решили непреклонно бороться с Вашими ближай-

шими помощниками, «затевявшими», как Вам казалось, «Государственный переворот».

8 февраля Вы отдали приказ, осуждающий выступление капитана Орлова, «руководимое лицами, затевявшими подлую политическую игру», и предложили генералу Шиллингу «арестовать виновных, не взирая на их высокий чин и положение»...

Одновременно приказом были уволены в отставку я, генерал Лукомский и Адмирал Ненюков.

Оба приказа появились в Крыму одновременно, 16 февраля, а за два дня до этого в местной печати появилась телеграмма моя капитану Орлову, в которой я убеждал его «как старый офицер, отдавший родине 20 лет жизни ради блага ее», подчиниться требованиям Начальства.

«Затевявшего подлую политическую игру» не было надобности разгадывать — его имя громко называлось всеми.

Теперь Вы предлагаете мне покинуть Россию.

Предложение это Вы передали через англичан. Переданное таким образом подобное предложение может быть истолковано как сделанное по их инициативе, в связи с «Германской ориентацией», сведения о которой так усердно распространялись Вашими агентами. В последнем смысле и истолковался Ваш приказ Вашим Штабом о назначении меня в Крым, против чего будто бы англичане протестовали.

Со времени увольнения меня в отставку я считаю свободным себя от всяких обязательств по отношению Вас и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. Средств заставить меня выполнить его у Вас нет. Тем не менее, я решаюсь оставить Россию, заглушив горе в сердце своем.

Столь доблестно начатая Вами и столь недостойно проигранная борьба подходит к концу. В нее вовлечены сотни и тысячи лучших сынов России, неповинных в Ваших ошибках. Спасение их и их семейств зависит от помощи Союзников, обещавших эту помощь Вам.

Кончайте же начатое Вами дело, и, если мое пребывание на Родине может хоть сколько-нибудь помешать Вам защитить ее и спасти тех, кто Вам доверялся, я, ни минуты не колеблясь, оставляю РОССИЮ.

Барон Петр Врангель

Это письмо было получено редакцией в Государственном архиве города Севастополя. Это один из немногих сохранившихся ценных документов той эпохи. Работники архива на наш запрос по документам периода Гражданской войны и Исхода Белой армии сообщили, что фонды архива 1920—1937 годов были практически полностью уничтожены во время бомбежки Севастополя в ходе Великой отечественной войны, в 1942 году. Благодарим директора архива Татьяну Кузнецову, заместителя директора Наталью Терещук, Ольгу Ивицкую и Анжелику Фесенко, которые сделали все возможное для подготовки этого выпуска журнала.

Нелегкой была участь русского беженца в 1920-е годы. Спасая жизнь, множество людей любой ценой переправлялось в Константинополь, где зачастую эйфория от обретения желанной безопасности и твердой почвы под ногами сменялась новыми заботами: снова борьба за выживание, добыча средств к существованию, поиск пристанища, оформление паспорта, визы, визы, визы... Кому-то ситуация покажется знакомой... Но лучше всего обо всем может рассказать очевидец — на этот раз передадим слово писателю Евгению Чирикову, публиковавшемуся в русском приложении к константинопольской газете *Presse du Soir* «Вечерняя пресса».

„СПАСИБО!“ Merci

Тяжело покидать родину, и долго я колебался, прежде чем сесть на корабль и покинуть Севастополь, это последнее звено, связывавшее меня с родными берегами. Бежать, но куда? Голос чувства шептал в одно ухо: «Оставайся!», а голос рассудка шептал в другое ухо: «Беги!». Голос чувства воскресал в памяти прекрасные стихи Шиллера:

*Не оставляй своей отчизны милой!
Всем сердцем, всей душой к ней прилепись!
В ней твердый корень сил твоих хранится...
А там, в чужой стране ты будешь одинок
И, как тростинка, сломишься от бури!..*

А голос рассудка твердо говорил:

— Да, не во имя выгоды, а во имя спасения несчастной родины и своего народа ты пером и словом боролся с большевизмом, но разве эта «писательская и политическая девственность твоей души» помешает фанатическому жестокому и глупому невежеству расправиться с тобой как с врагом народа? И приходил на память римский тиран Тиберий: хотя обычай запрещал предавать смертной казни девственниц, но это несколько не помешало Тиберию, который пред казнью приказывал палачам каждую девственницу предварительно изнасиловать!..

И я бежал...

Уже стемнело, когда чужой корабль медленно двинулся в чужую страну. Я стоял на борту и грустно смотрел на мигающие мне прощальным трепетом огни города, огни моей дорогой родины, где остались дорогие и близкие мне люди, где оставалась прожитая мною жизнь. Навернулись слезы... А спустя час корабль уже был в открытом море и мчал нас в тьму неизвестности. Спустя час я

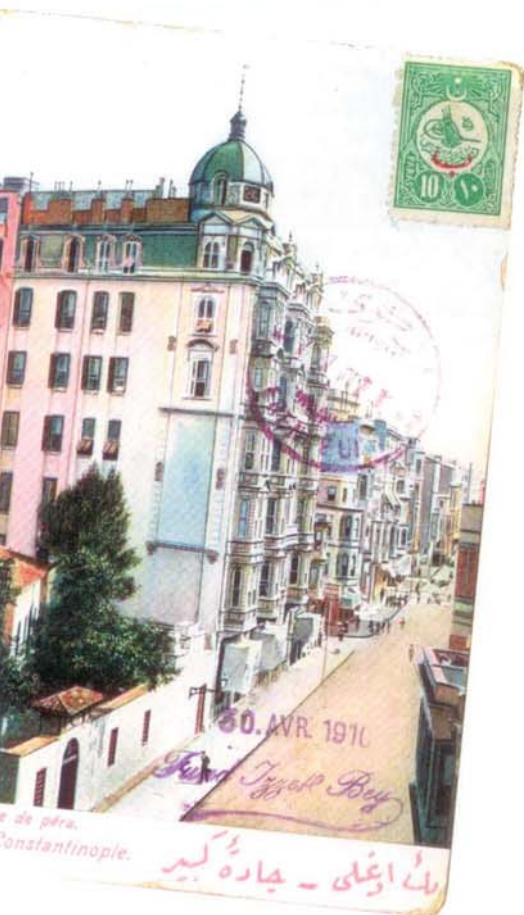
превратился в русского бродягу без дома, родины, без родного человека. Что-то ждет впереди, там, в Турции? Как там встретят своих бывших врагов? Ведь мы так мало знаем друг друга. Мы на протяжении долгого исторического пути говорили и думали об этой стране только в те года, когда воевали... В своей памяти мы больше знали друг друга как враги... А вот теперь мы едем туда несчастными, пораженными, искать спасения от самих же нас, русских!.. Долгие годы страшной войны ослабили веру в милосердие, в человеколюбие, в гуманность. Каюсь искренно: не ждал я особого гостеприимства и радушия со стороны турок!

Поймите же мою неожиданную радость и радостное изумление, когда я воочию убедился, что все мои опасения основывались просто на незнании турецкого народа, его души и характера! Поймите же мое радостное изумление, когда вместо стереотипных «турецких зверств» я встретил турецкую доброту, простоту, искренность, горячее сочувствие в несчастье и полное радушие гостеприимство! Вы встретили нас как гостей, а не как бывших врагов своих! Вы поняли и откликнулись на наше горе и страдания! Вы поддержали в нас веру в присущую всем людям любовь к человеку, к человеческой личности. Вы стали кормить голодных и согревать холодных... Вы сказали:

— Один Бог над всеми нами!
...Спасибо турецкому населению за радующие, гостеприимство и сочувствие!...

Евгений Чириков
Публикуется по *Presse du Soir* № 177
от 2.12.1920, из собрания Славянской библиотеки — Национальной библиотеки в Праге

Константинопольская улица Гран Пера

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО

Lettre d'un inconnu
Федькоantz Евг. Чирикова

Я стоял на Галатском мосту и думал: «Не утопиться ли?». Думаю, что многим из моих соотечественников приходит в голову эта мысль, когда <несколько слов отсутствуют> печально бродят по Константинополю и любуются на голодный желудок прекрасными видами Золотого Рога.

Вечерело. <Два слова отсутствуют> уже курились над заливом и тусклые огни пароходов уже смотрели на меня злоеющими глазами. У моста сгрудились катера, фелюги, лодки толкались, как живые люди на Пере¹ в праздничный день. Опустив взор под ноги, я заметил конверт и, пугливо оглянувшись по сторонам, торопливо поднял его: он мне показался... бумажкою в пять лир! Досадное разочарование! Это просто письмо от кого-то к кому-то...

Машинально сунул я его в карман и снова стал наблюдать происходившую под мостом сутолоку. Вечером, вернувшись домой, я, за неимением никакого чтения, вспомнил о письме и прочитал его. Нечто трагическое или комическое — как хотите! Ведь от смешного до трагического только один шаг.

Вот что было там написано.

«Да, от судьбы не уйдешь! Счастье изменило мне и единственный выход из положения — это вниз головой с Галатского моста...»

Человек состоит из тела, души и паспорта. Это истина, которую я постиг окончательно, очутившись в Константинополе. Как и зачем я попал в Константинополь? Бежал, как тысячи моих сограждан, от большевиков. Я не буржуй, я не интеллигент, никогда я политикой не занимался, я просто мирный трудолюбивый бухгалтер, большой семьянин, верующий человек. А между тем я потерял жену, у меня убили сына, моя мать умерла от разрыва сердца. И все это от большевиков. Я просто не могу жить в атмосфере ненависти, ужасов, издевательств...

И я вот уже два с половиной года бегу! Два с половиной года! Из города в город, из области в другую область, из одной республики в другую, в третью... Очутился в Севастополе с одной только бабушкой: всю остальную семью растерял. Этой бабушке 80 лет, она полуслепая, тучная, плохо передвигается...

¹ Пера — квартал Константинополя, в 1920-е годы заселенный преимущественно европейцами. Скорее всего, имеется в виду Гранд Рю де Пера — центральная улица квартала, где в то время было расположено большинство русских учреждений, включая Российское Дипломатическое представительство и консульский отдел.

Можете себе представить все пережитое мною во время эвакуации? Пароход „Седжет“ огромный и очень высокий: бабушку пришлось втаскивать на канате! Из-за бабушки забыл про чемоданы и корзины — их лодочник увез обратно на берег. К счастью, у меня на черный день хранилось десять золотых пятирублевиков. Очутившись в Константинополе, я обратился в лиры, — получилась кругленькая сумма, вполне достаточная для того, чтобы добраться с бабушкой до брата, который очень недурно жил в Праге.

И вот я начал готовиться к отъезду... Кто бы мог подумать, что выехать из Константинополя еще труднее, чем было погрузиться на „Седжет“! Начал хлопотать о визах. Надо было добыть шесть виз! Увы! Это оказалось шестью египетскими казначьями! Пошел к чехам — не дают, насилие упрямил сделать запрос в Прагу. Ходил неделю справляться, не пришел ли ответ. Никакого ответа. Пошел к братьям-сербам — то же самое. Две недели дежурил в хвостах у чехов и сербов, чтобы узнать, что ответа нет еще. Утром и вечером ходил, как к Великому посту, к часам и вечерам. Отчаялся. Пошел к болгарам. Здесь на мгновение улыбнулось счастье: встретили деликатно, радушно, и на другой же день я получил визу в Болгарию. Это несколько укрепило мой упавший дух. Хотя от Софии до Праги еще очень далеко, но все-таки вперед... Итак, вперед! К грекам! У греков также получил, но, вернувшись, почувствовал себя больным: меня там толкали и пинали, как футбольный мяч! А я человек пожилой...

Как бы то ни было, два государства, Болгарию и Грецию, взял с боя! Снова зачастил к чехам и сербам: дело не двигается, ответа нет. А лиры утекают и утекают! Пересчитал, прикинул: все равно дальше Софии не доедешь вдвоем с бабушкой. Хотя бы уж до Софии-то... все ближе к Праге. Только надо торопиться, а то до Софии не доедешь.

— Бабушка! В Софию едем!

— Это зачем же, батюшка мой, в Софию-то? Кто у тебя там?

— Никого нет, бабушка... Только бы ноги унести отсюда...

Итак, хотя бы до Софии. Остается одна русская виза и французская, международная. Ну, русская-то того... все-таки свой брат! — думаю себе, а между тем именно здесь-то и таилась погибель моя... Меня чуть в клочки не изорвали, когда какой-то не то грек, не то турок, забравшись на камни, раздавал опросные листы. Два дня возвращался ни с чем, только с на-

мятыми боками. На третий день удалось выхватить и остаться живым. Только изорвали пальто и вывихнули ногу — хромота стал. Три дня становился в хвост, чтобы подать паспорта с опросными листами. Попаду в список на завтра, а утром раненько, часов так в шесть, уже хвост и список не признает! Совсем ослаб, все тело ноет, ребра болят, одышка мучает, нога позади возится... Перекрестился, когда удалось подать... Сказали — на третий день прийти... Встану — темно еще, и иду в хвост... А лир-то все меньше и меньше... Бабушка — женщина полная и попостится, так немного в весе убавится, а вот я... все с меня спускается и сползает. Таю. На собственных глазах таю!

Каждый день на дворе консульства новые порядки, а вернее, новые беспорядки: выносят груды паспортов и выкрикивают по именам и фамилиям. То в том, то в другом углу кричат „есть!“ или „здесь!“, и кто-то лезет вперед, работая ногами и локтями...

Я стоял в дальнем углу, в толпе было руку поднять нельзя, мой голос пропал, хочу крикнуть, а выходит сип один, как у больной кошки... И все это на моих глазах вышло: выкрикнули мою фамилию, я ответил сипом, но вижу, кто-то лезет и получает мой паспорт... и мой, и бабушкин!.. Украли мои паспорта!.. Что ж мне теперь делать? Снова хлопотать о новых паспортах, снова пройти через все визы? Нет, нет... Больше я не в силах... Да и лир не хватит... От судьбы не уйдешь. От большевиков пять раз убежал, а тут с визами... И вот я решил разом освободиться от всех мук русского человека в Константинополе: с Галатского моста в Золотой Рог!

Прошу никого не винить в моей смерти...»

Евгений Чириков
Публикуется по Presse du Soir № 186
от 13.12.1920, из собрания Славянской библиотеки — Национальной библиотеки в Праге

Галатский мост

Алексей Шереметьев

Мой бастион

Катер в Севастополе — это вид городского транспорта. Так из одного района в другой за пару гривен ты пускаешься в путь недолгое, но освежающее душу и раскаленную голову морское путешествие. Несравнимое ни с чем ощущение покачивания тяжелого брюха катера на городской пристани в ожидании отплытия, отзвук тревоги в быстрых командах швартовки, и толщи морской воды, которые разрезает морская посуда своим сильным стальным носом...

Гудок. Вот мы на Северной стороне, за небольшой аллеей — выход в город. Тут без маленького рынка не обойтись: черешня, ранние абрикосы... Правда, я безотчетно замечаю, что колорит изменился, нет бойких и расхваливающих свой товар хозяюшек. Не турецких ли это полей дары — вспомнились мне годы развала Союза. Захотелось взять по старой памяти стакан шелковицы, высыпанный в газетный кулек с «походом», то есть три—четыре ягоды наверху — подарок хозяйки. Но нет, всюду целлофан и весы.

Мы идем на «самую большую музейную стройку века». Впрочем, этот объект — Михайловский рavelин — неотъемлемая часть архитектуры Севастополя, ведь его строительство было закончено в далеком 1846 году. Поэтому то, что мы видим перед собой — огромное старинное сооружение орудийной батареи в густых клубах пыли — это не стройка, а реконструкция, восстановление и очищение этого исторического объекта. Но для всего того, что тут происходит, не жаль преувеличенных понятий и слов — это действительно сильно действует на нас.

Идейный вдохновитель и меценат проекта — Алексей Шереметьев. Нашу группу журналистов встретил один из его помощников — Андрей Швачко. Он один из одержимых историков, которые нашли здесь применение своему опыту и таланту. Мы обходим рavelин, ощущая себя в Древнем Риме — работы идут только вручную, десятки молодых мужчин с обнаженным загорелым торсом возят на примитивных тележках и сбрасывают с крыши строительный мусор.

Изнуряющая жара. Проходим в сводчатую галерею. Пока все, что мы видим, и все, что должно быть красноречивым — это камни кладки и стены. Не так мало для воображения, если разобраться. Андрей Швачко показывает следы разрыва снарядов, влетевших в галерею, оставшиеся в стене «царские» четырехгранные гвозди,

кольца для поднятия орудий. А вот стена во внутреннем дворе — со следами пуль от расстрела, их слишком много. Он говорит, что где-то тут будет и захоронение. В кадр попадают и армейские письма счастья «Вася из Ростова ДМБ». Андрей рассказывает:

— По проекту эта батарея предназначена для размещения 75 артиллеристов и офицеров, а на случай боевых действий — также батальона пехоты. На территории находилась своя кухня, столовая, галльон. Сейчас идет реконструкция фасада и помещения батареи. Тут должна разместиться экспозиция, которая будет вмещать в себя экспонаты по основанию города Севастополя, военно-морской базы, первой и второй обороне Севастополя. Есть в коллекции уникальные фотографии, например, Николая II на Графской пристани, потом впервые будут представлены материалы, посвященные Исходу, фотографии и документы с подписями барона Врангеля. В период Исхода тут располагались артиллерийские курсы армии Врангеля. Сама батарея в 1920-е годы в боевых действиях участия не принимала. Мы только начали работать с документальной базой, поэтому со многими, чьи фамилии назывались даже сегодня, предстоит переписываться для того, чтобы получить у них материалы, чтобы создать полную историю этой батареи.

Почему так хорошо сохранилась? Она находилась во второй линии обороны и не была повреждена. После Крымской войны полностью потеряла оборонное положение и использовалась как складские помещения. В советские времена тут хранились стратегические запасы, поэтому военные произвели минимальные изменения: внутри сделали просто перегородки из бытового камня, который был нами легко извлечен. Экспозиция займет площадь около 2,5 тысяч квадратных метров и разместится она в 23 залах батареи.

В это трудно поверить, но экспозиция 20 залов делается на базе частной коллекции Алексея Шереметьева, а всего три зала — на материалах НВИМУ (Исторического музея Украины). На первом этапе тут будет выставлено около 10 тысяч экспонатов, среди которых множество уникальных. Например, посетители музея смогут увидеть более 60 мундиров армий разных стран — с середины XIX века до Второй мировой войны. Одним из раритетов музея станет личная печать выдающегося флотоводца, первооткрывателя Антарктиды адмирала Михаила Лазарева.

Алексей Шереметьев

Стоимость реставрации объекта — порядка 25 миллионов гривен (62,5 миллиона крон), стоимость создания самой экспозиции — около пяти миллионов гривен. Государство предоставило здание, небольшую часть вещей, оплачивает некоторые виды работ. Тем не менее, львиную долю финансирования обеспечивает коллекционер и меценат Алексей Шереметьев, по сравнению с его расходами музей внес совсем незначительную сумму.

Мы ждали появления самого Шереметьева. Уже знали, что Шереметьев не имеет ни аэропорта своего имени, ни графского родства во Франции. Алексей родился и вырос в Киеве, занимался и продолжает успешно заниматься бизнесом, своим образованием и коллекционированием. Семья киевлян Шереметьевых обладает большой коллекцией по военной истории. На базе этой коллекции действует «Музей Шереметьевых». В частности, Алексей Шереметьев вместе с братом Игорем сумели собрать одну из лучших в мире коллекций по истории Крымской войны. По мнению ряда британских, французских, российских специалистов, эта коллекция — лучшая среди аналогов. У Шереметьева собраны такие вещи, которых нет ни в британских музеях, ни в музей-панораме «Оборона Севастополя».

Наконец, он появился. Хотя очень умело по-ораторски формулировал тезисы и отвечал на вопросы хорошими домашними заготовками, осталось приятное чувство отсутствия пафоса. Сам Шереметьев, немного нескладный, с большой, как у подростка-медвежонка, головой, в пыльных джинсах и маскировочной футболке, был вполне органичен на стройке. А его способ тратить деньги на любимое занятие историей, что и говорить, нам был симпатичен. Люди, которые его окружали, тоже мне показались исключительно профессиональными, простыми, никаких статистов, которые так обычно окружают миллионеров. Только любимая работа. Русское самодурство: «А мне так нравится!» — тоже было абсолютно исключено. Мы сделали последние кадры священной исторической пыли и рабочего хаоса, так как понимали, что до назначенной даты открытия остается 22 дня. На День флота Украины, когда все откроется, мы будем в Праге, а в интернете появятся фотографии, где все будет подметено и расставлено по местам. Также записали и короткое интервью с Алексеем Евгеньевичем. Вот что он сказал для читателей журнала «Русское слово»:

— Мне приятно осознавать, что никогда еще на Украине, да и в мире, как я подозреваю, музейное дело не знало таких масштабов, таких объемов, таких сроков — мы тут работаем всего три с половиной месяца. Правда, чем сложнее задача, тем почетнее для меня ее выполнение. В ремонтных работах и реставрации мы не используем ничего, что могло бы исказить естественный облик. Во внутренних помещениях была очищена масляная краска, убраны перегородки. Это не только уникальное фортификационное сооружение, это крепость, с которой связан ряд имен и событий. Сюда был доставлен раненый адмирал Нахимов. В этой крепости были и Врангель, и Татлебин, и Толстой. Поэтому даже быть причастным к восстановлению уникального памятника фортификации — это честь. Мы впервые затрагиваем тему Исхода из Крыма. Это сложный период 1920-х годов. Будут представлены уникальные предметы. Очень для меня значимо, что здесь будет представлен орден Николая Чудотворца, который был учрежден бароном Врангелем 30 апреля 1920 года и вручался целым подразделениям Белой армии — Марковцам, Дроздовцам, Корниловцам. Будет представлена уникальная телеграмма, адресованная главному вооруженными силами Юга России барону Врангелю: «Ввиду явной бесполезности сопротивления предлагаю вам сложить оружие. В случае прекращения борьбы под честное слово будет дарована свобода. Не желающим работать в советской России будет предоставлена возможность покинуть беспрепятственно территорию. Командующий южного фронта Фрунзе и Бела Кун». Потрясающая коллекция холодного и огнестрельного оружия. Порядка 10 моделей пулеметов. Фото-материал фантастический. К нам в музей попали две фотографии 1911 года — вручение приза за автопробег Санкт-Петербург—Севастополь. На фоне колоннады Графской пристани в окружении великих княжон стоит Николай II и вручает кубок победителю.

Вдумайтесь. У каждого из нас есть квартира, 70 метров, в которой можно ремонт делать полгода, а потом или прекратить, или делать дальше. А тут 2,5 тысячи метров. Наша задача была убрать все ничемное, отсечь все эклектичное. Мы должны были получить все, как это было — какой была задумана и построена сама крепость. Например, мы не будем белить крепость, она будет только отмываться. У нее есть следы шрамов от Первой мировой, Второй мировой — они там должны остаться. Надеемся, у нас все получится. У нас не может не получиться, потому что наши помыслы светлые. Когда я впервые поднялся на крышу, там, где вы были сегодня, тогда еще не было никакой смотровой площадки, я просто сидел на парапете. Тогда я понял и почувствовал значимость этого места и его величие.

Марина Добушева

Фото: Игорь Золотарев

Андрей Шчацко

Вадим Прокопенков

Меценат с улицы Ленина

Время отметило биографии людей постсоветских морских городов достаточно стандартно. Многие военные вынуждены были пережить времена «гибели» армии и флота. Кавычки в слове «гибель» совсем не случайны — официально флот функционирует. Лишь те, кто стоял к трагедии слишком близко, испытали личное потрясение.

Мало кто из нынешних адмиралов пишет мемуары, но стоило бы написать и эту военно-морскую страницу истории, о том, как не выдерживали офицеры распил и продажу кораблей на металлолом, измену присяге в офицерской среде и переход под флаг другого государства с повышением воинского звания. Психическим испытанием для офицеров стало и то, что многие из них должны были начать свою жизнь заново — на гражданке. А это было непросто, по той причине, что военная служба чаще всего требовала самоотречения, и часто не только офицера, но и всей его семьи. И самоотречение было.

Пусть не покажется это объяснение ненужным: оно необходимо, чтобы понять строчки в биографии, место человека в современном обществе и его гражданскую позицию. И хотя времена могут быть для всех одинаково трудными, не стандартны, к счастью, только сами люди с их творческим отношением к реальной жизни.

Нашим проводником в этот приезд в Севастополь был историк Крестьянников. Он почти сразу угадал в нас антитуристов и вместо достопримечательностей предложил интересное знакомство. Мы охотно согласились и оправились в городском троллейбусе на улицу Ленина. По рекомендации Крестьянникова выходило, что мы непременно должны познакомиться с трудами «мецената с улицы Ленина». Думать о взаимоисключающих понятиях «Ленин» — «меценат» не хотелось. И мы отдали все эмоции платановой аллее, мелькающей в кадре окна, когда троллейбус катился вдоль центральной улицы. Непривычными, чуть даже киношными, немного нереальными после Праги нам казались некоторые детали — и хотя быстро привыкаешь к кондуктору, общению с незнакомыми людьми, а все же огромный фикус в бочке у кабины водителя ошеломлял.

— Итак, знакомьтесь, Прокопенков Вадим Николаевич — офицер запаса, юрист, историк, исследователь, — представили нам

молодого, подтянутого и, я бы сказала, лощеного господина. — Как и многие наши офицеры, вынужден был попробовать себя на гражданке — и достаточно успешно. Работал управляющим торговой сети, потом в Севастопольском управлении земельных ресурсов. Сейчас Вадим Николаевич — директор юридической фирмы, председатель общественной организации «Севастополь Таврический».

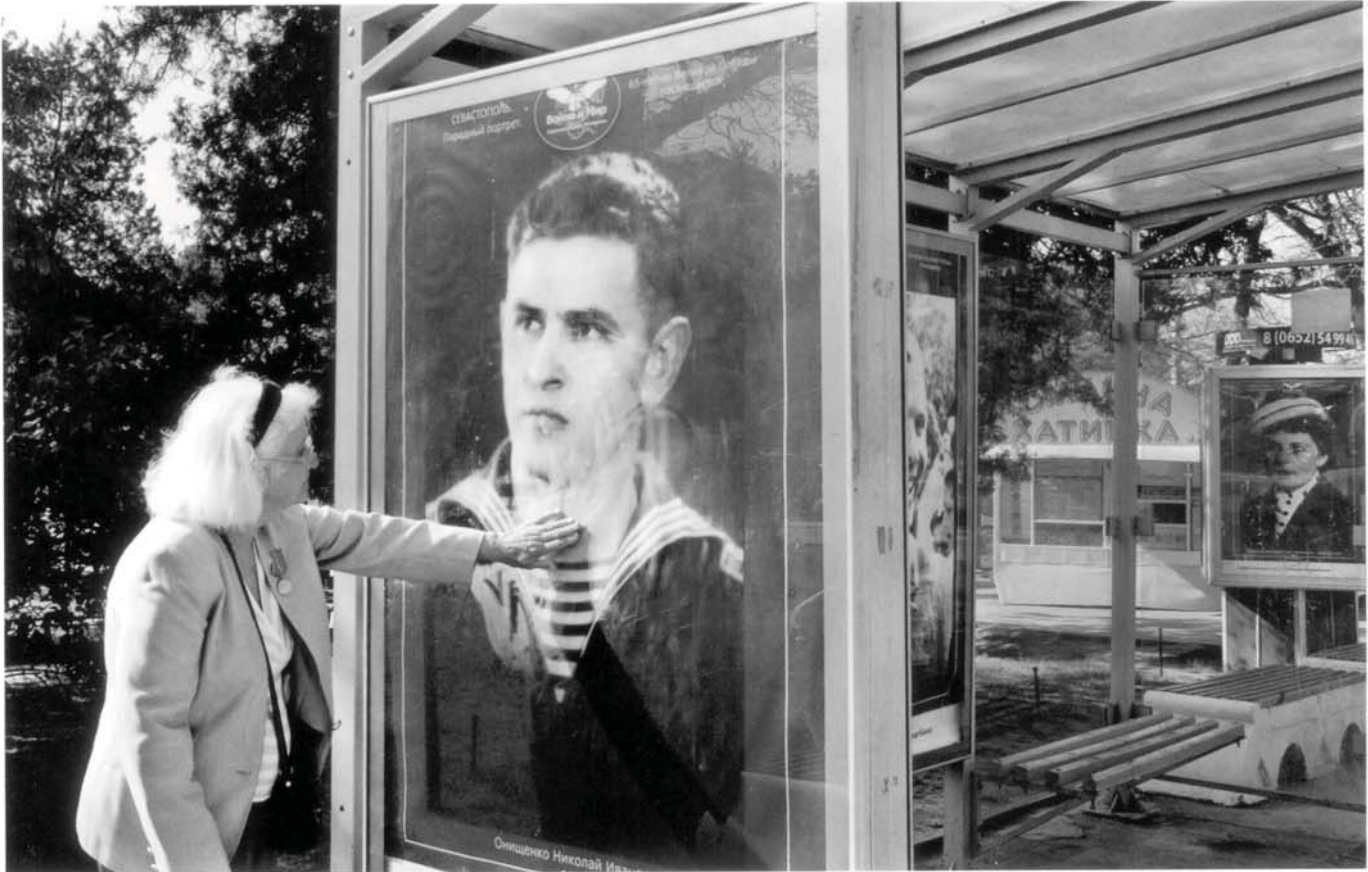
Оказывается, работая в управлении земельных ресурсов, Вадим Николаевич проявил большой интерес к истории города, занялся исследовательской деятельностью, а затем стал аспирантом исторического факультета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), где защитил кандидатскую работу по теме «Земельные отношения на территории Севастополя во второй половине XIX — начале XX века».

Наше общение началось с волнующих нас тем, того, ради чего мы, собственно, и оказались в Севастополе — восстановление истории, историческая память и справедливость, еще раз гибель армии и флота, только того, царского. Для Прокопенкова как исследователя важнее всего оказался не тот драматический образ Севастополя, как его обычно представляют, а судьба улиц, проспектов, семей, родства — в каком-то неспешном, фундаментальном единстве. Поэзия города в таком подходе не так сплетена с эксцентрикой политики и событийным театром. Вадим Николаевич показал нам три своих книги из большой задуманной им серии. Это прекрасно оформленные, серьезно проработанные, глубокие по полноте представленного материала альбомы о Севастополе.

Как энтузиаст он начал свой труд в 2007—2008 годах, когда подготовил и издал первый альбом «Севастополь на фотографиях и открытках». В 2009 году вышел следующий альбом — «Севастополь на картах». А летом этого года — альбом «Севастополь на литографиях и гравюрах». В июле была организована презентация этой трилогии в Русском зале Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого.

Альбом «Севастополь на фотографиях и открытках» сочетает в себе старые и современные виды города. По отзывам книготорговцев, он стал самым популярным изданием за последние три года. Альбом был оценен специалистами и занял II место в одной из номинаций конкурса «Лучшая книга Украины» 2009 года.

Книга «Севастополь на картах» стала первым наиболее полным собранием карт и планов Крымского полуострова и Севастополя. Старинные карты — это просто шедевры искусства гравюры, содержащие в себе массу тонких деталей и дух устойчивого, классического и бережного мира, где ценности создавались на века.

Свежий альбом — «Севастополь на литографиях и гравюрах» — красочное художественное издание гравюр и литографий с видами Севастополя. Удивительно стройным европейским городом выглядит Севастополь на этих изображениях и при этом неповторимо романтичным, как настоящий приморский, южный.

Достоинством всех книг этой серии является и то, что в них содержится перевод текстов на английский и немецкий языки, соблюдена историческая достоверность информации.

С любопытством наблюдаю обстановку кабинета хозяина офиса. Это не антиквариат, но псевдоклассика, все очень уравновешенно и добротно, повсюду — уникальные модели морских судов. Сколько же офисов в старинном духе я видела в своей журналистской жизни, однако все больше у временщиков, кто связь времен пытается не восстановить, а купить за звонкую монету. Меня же эта встреча убеждает в том, что есть люди, которые постепенно возвращают настоящее, кропотливо восстанавливают веру людей в самих себя и в красоту не бунта, но созидания. Наверно, это и есть современное меценатство. Конечно, это мне пришло уже в мыслях, когда я анализировала свои ощущения и перелистывала альбомы. А пока в этом офисе был обычный день, со звонками, делами и вопросами секретарши, а хозяин поглядывает на часы... Конечно, в работе и вся творческая команда дизайнеров и фотографов. Последний вопрос — о творческих планах.

— В конце 2010 года готовится к выходу фотоальбом «Севастополь в лицах. XX век». Это книга о людях прошедшей эпохи, живших в Севастополе в прошедшем столетии. В альбоме будут размещены фотографии из семейных архивов жителей города: уже около пятисот горожан откликнулись на идею проекта и принесли личные фотоальбомы. Кроме этого, поступили фотографии и от коллекционеров, архивов и музеев, в которых прослеживаются основные события, происходившие в Севастополе в XX столетии. Особая благодарность за помощь Национальному музею героиче-

ской обороны и освобождения Севастополя, Государственному архиву города Севастополя, Военно-историческому музею Черноморского флота, Клубу любителей истории Севастополя, благотворительному Севастопольскому округу отцу Сергию и коллекционеру Вячеславу Горелову, предоставившим материалы из своих фондов. Теперь в планах на ближайшее время — альбомы о городах Крыма, а также о неизвестных и малоизвестных страницах истории Севастополя.

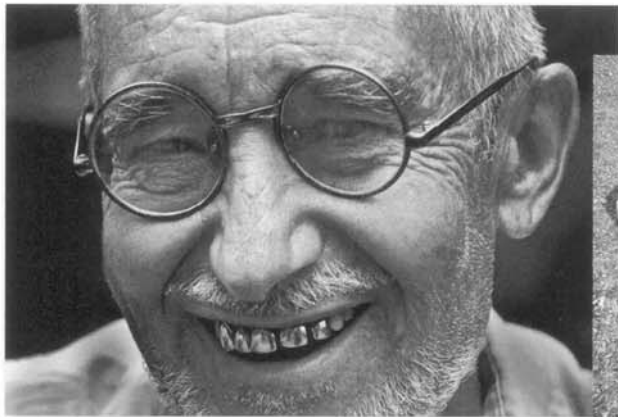
Обратная дорога через аллею платанов не повторяется для нас, как в обратном кино. Мы вдруг замечаем в городских улицах то, что видели сейчас в руках Прокопенкова, а именно — старинные фотографии жителей города. Страницы альбома увеличены до размера плакатов, а их, как мы узнали, уже более ста пятидесяти, они не повторяют друг друга, а напротив, появляются все новые и новые, и они выставлены в витринах автобусных остановок и других рекламных просторах на виду у горожан. Семейный альбом на улицах Севастополя — еще одна замечательная идея Мецената с улицы Ленина.

Марина Добушева
Фото: Светлана Желток

Светлана Желток

Летающая во сне

Если говорят, что Крым — это рай на земле, что это библейские ландшафты, где звуки ангельской трубы разносятся над долинами, истекающими сладчайшими соками спелого винограда, то каково же фотографу жить в раю? Тем более что наша знакомая — фотограф Светлана Желток — вовсе не «веселая пастушка», а правдивый мастер социальной фотографии, рыжая бестия в кепочке с вертолетиком, человек, проверяющий на честность каждый свой шаг, а каждое слово у нее получается басистое, увесистое, как гирька. И этими словами она легко жонглирует, иногда шокируя собеседника простотой и очищенностью смысла. Хотя вся светская чепуха разбивается вдребезги, как волны об утес, Света умудряется вести самую яркую выставочную и каталожную деятельность в Севастополе.

Знакомство наше было легким, о чем мы давно забыли мечтать в Европе. Импровизация с неожиданным приглашением в круг семьи, где все исполняли положенные им роли: кот лениво свисал с подоконника, собака виляла хвостом, сын заглядывал в холодильник, а муж был на работе, — привела нас к такому же естественному, как и все вокруг нас, разговору. И я еще раз убедилась, что душевная чистота и оптимизм — это не легкий дар, а для думающего и тонкого человека это участие в борьбе добра и зла, ежедневная проверка себя и труд прощения. Тесноты или бедности в таком доме не бывает, тут хорошо. Хорошо нам было часами смотреть на экран ноутбука, где запускались новые и новые серии фотографий, хорошо было и на кухне, где жарился один большой кабачок на всех.

Я спросила о «настоящем» — истинном и каждодневном. Беспомощность людей в вопросах патриотизма. Почему так сентимен-

тально снимают стариков на параде, почему так пафосно снимают моряков? И из личного опыта: почему любишь или не любишь Севастополь... Есть ли в Севастополе художественная среда? Какие талантливые люди тебя окружают (не только богема, но изумительные старушки...)? Как появляются идеи?

Как солнце выжигает мозги? Почему в Крыму природа существует не благодаря, но вопреки человеку. О чем можно мечтать и на что надеяться, живя в Крыму? Где сейчас диссиденты?

В чем вечность, покой, доброта Крыма?

В чем твоя сила духа? Как появились любовь, сын, кот и собака?

О себе

О себе...

Основной вид деятельности, я бы даже сказала — жизнедеятельности — любить жизнь. А все остальное может быть, а может и не быть.

Из суетного. Организатор международных фотоконкурсов. Не председатель ничего. Фотолюбитель. Не шибко много работ, за которые не стыдно. Координирую персональные выставки хороших фотографов из других городов. В каких-то не своих проектах тоже участвую, например, «Севастополь. Парадный портрет». В данный момент приглашена в соавторы книги «Севастополь в лицах. XX век».

Потихоньку возвращаюсь к балованию своей семьи в кулинарном смысле.

Книги читать — люблю и стараюсь успевать. Друзья — хочу, но пока не успеваю. Море — была один раз за лето. Нормальный местный расклад. Не жаль.

Дышу. Вдыхаю и впитываю эмоции и впечатления.

Иногда злюсь и раздражаюсь. Чаще радуюсь.

Во сне летаю до сих пор. Ах, да — 41 год. Размышляю.

Люблю наблюдать за людьми.

Дышать перестану, перестану радоваться — значит, пришло время прощаться и переходить в другие измерения.

Патриотизм

Такое сложносочиненное понятие — патриотизм. Конечно, в Севастополе его предостаточно, сам воздух, и камни, и та кровь пролитая, его навевают — другое дело, как он выражается. Мне кажется, у нас он двух видов: первый не конструктивный, для того, чтобы заполнить личное пространство — это митинги, совершенно бессмысленные, но у людей возникает ощущение, что они что-то сделали для города; а второй — тихий, от какой-то глубинной любви. Он более осмысленный в действии, на мой взгляд, а мой взгляд — не истина. И такие люди что-то спокойно делают: восстанавливают 35-ю батарею, изучают досконально Балаклавское и другие сражения, издают книги и занимаются раскопками, помогают детям и старикам и, прости за банальность, не бросают мусор мимо урны.

Старики на параде

Для меня это особая тема. Несколько лет назад я вдруг осознала, как их мало осталось, и уже не только тех, кто прошел войну, а и тех, кто жил в то время. И с точки зрения сегодняшнего момента памятник надо ставить всем, кого коснулся ужас войны. Их жизнестойкости можно только учиться.

Иногда смотрю на корочку хлеба (в которой те самые 125 граммов) и задаю себе

вопрос, как же они с этой порцией на сутки выжить-то смогли.

Не могу никого осуждать, знаю, что не все во время войны страдали, но не о них и речь.

О сентиментальности съемки на параде мне сложно судить, мне кажется, что у меня слишком драматичные ветераны. И как-то даже специально раньше подлавливала такие моменты, но теперь, когда я так много общаюсь с фронтовиками и блокадниками, мне очень хочется показать их жизнерадостность и умение ею делиться.

Моряки

Здесь все очень просто. Севастополь уже давно не тот город, где выходные дни пестрили бескозырками. Сейчас моряки только на парадах и торжествах, отсюда и пафос. Но есть репортажники, например, Сергей Светлицкий, который снимает военных с великолепным чувством юмора.

Люблю ли Севастополь?

Безусловно — это мой город, и сколько бы я ни уезжала в другие города и страны, я всегда возвращаюсь домой. Любовь моя — живой организм, поэтому был период, когда я захлебывалась от восторга, и был период глухой и злой ненависти к городу. Но не камни же виноваты в том, что город менялся, был лишен своей чести и погряз в расприх — это же мы, севастопольцы, растерзывали его и потом опять холили, лелеяли и возрождали его мощь.

В 2000 году я наконец-то поняла, что все — география, и не важно, где ты находишься, главное — как ты день прожил. Я вернулась в Севастополь и надолго

больше не покидала его. Я не могу сказать, что сегодня я слепо люблю этот город, мне не нравятся власти, но зато благодаря нескольким последним проектам произошло большое сближение с простыми жителями (хотя не такие уж они и простые, а то, что по чистоте своей душевной дадут сто очков любому политику — это уж точно!).

И вот сближение с жителями и дает мне повод лучше понять душу города, это они и наполняют город своими энергиями, мыслями и делами.

Художественная среда

Наверное, есть, но я стараюсь держаться от этой среды подальше. И, опять же, для меня художественность города складывается из отдельных личностей, с которыми общаться хочется, а не должно.

А вообще, наступил момент, когда слово «творчество» и произносить совестно (по отношению к себе). Есть Творец, а все, что мы делаем — это, как правило, выражение своих амбиций и кормление нашего тщеславия и к творчеству истинному все это не имеет никакого отношения.

Но при этом никто не отменил честных художников в любой области, и у нас в городе они есть.

Жара. Крым

Когда я два года жила в Сибири, я все недоумевала, почему же так люди-то отличаются, отчего же у сибиряков так много природной доброты, а южане все взбалмошные, вечно раздраженные и чуть что — сразу скандал, а там, на севере, нет излишней агрессии. Как меня удивляло, когда стоишь на остановке, на улице морозец градусов 35, и вдруг

к тебе подходят люди и начинают тереть нос и щеки: оказывается, ты уже на грани замерзания, а они тебя оттаивают.

А в Крыму всего с избытком: и солнца, и моря, и жары. Стало быть, и энергией мы напитаны больше, а если ее в мирное русло не направлять, то понятно же, что она будет искать выход в других проявлениях, и не всегда лицеприятных.

Диссиденты

В этом вопросе я буду плавать. Супруг говорит, что я ярко выраженный анархист. А я думаю, что я очень не люблю политику и всех, кто с ней связан. Но бороться с властью... не хочу, потому что время идеалов прошло, наступило время денег: пока не наворуются вдоволь, от кормушки не отойдут. Крики на площадях вопрос не решают.

В общем, здесь ничего членораздельного и сказать не могу, кроме того, что в основном у власти... взгляните в эти лица... Возможно, и там есть неплохие люди, но пока я наблюдаю, как хорошие люди, попадая в чиновничью среду, быстро деградируют или уходят, не желая мириться с этими потоками лжи. Хотя то же самое можно сказать и о богемной среде.

Сила духа

Когда-то, лет в 15, прочла у Прутковка «Если хочешь быть счастливым, будь им!»

И так меня поразила простота этой мысли. Но прошли годы, прежде чем теоретическое желание быть счастливым всегда обрело практическое воплощение.

И училась я быть счастливой, порой, очень жесткими способами. Но всегда выручал какой-то патологический оптимизм и любовь к жизни. И вот пришло осознание, что «счастье» складывается из очень простых понятий, прошу прощения за банальность: здоровье, умение радоваться, щедрость в любых проявлениях и, прежде всего, умение делиться своими хорошими качествами и не сливать на близких все свое внутреннее раздражение.

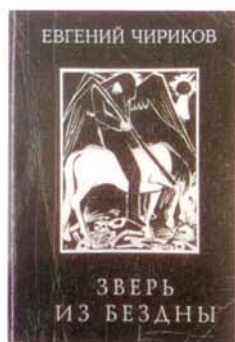
И самое важное открытие было в том, что все внутри нас, извне ничего не будет, да мы и принимать-то чаще всего не умеем.

Тогда наступило какое-то равновесие. А когда антенки работают и на прием, и на отдачу, то каждый день приносит столько впечатлений и разных красок. Бери кисть и разукрашивай свой мир!

Вот так и появилась в моей жизни любовь. Тихо-тихо вошел Сережка в мою жизнь. Валька, сын, к тому времени уже был, кот Мейерхольд приболудился с помойки и чувствует себя не меньше, чем кошачьим царем, а собаку Френка Заплу я выплакала. Так мне захотелось собачонка, а тут высыпались семь скотчиков, и муж растрогался, видя мою печаль и желание.

А теперь еще появилась невестка Маруся.

*Марина Добушева
Фотографии Светланы Желток*

Евгений Чириков
«Зверь из бездны»

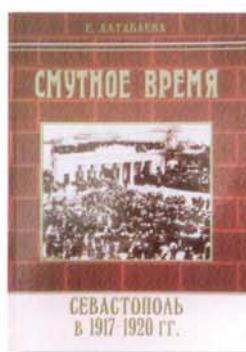
Признаться, о Евгении Чирикове до недавнего времени я не слышала. Возможно, это имя произносилось наряду с известными писателями Серебряного века, но название ни одного из его произведений не было мне знакомым. И неудивительно: «Зверь из бездны» — самый, наверное, известный его роман, был воспринят в свое время «вражеским» со всех позиций (да-да, роман вышел в свет аж в 1926 году! В Праге, к слову говоря). Чириков, покинув Россию в то кровавое время, озаменованное переходом страны во власть «красных», не был угоден и «белым»! Страсти в романе разворачиваются нешуточные. Страна, государство, родина — это ведь люди, народ. Страна в страшном положении конца света — нет ни семьи, ни человеческих отношений. Самые подлые предательства, самые страшные грехи; потеря чести, души, жизни... Мое скорее теоретическое представление о том лихом времени окрасилось живыми красками. Понятно, что автор проводит явные параллели между судьбой отдельного человека, песчинки грандиозно-кошмарных событий, и судьбой целой страны, целого народа, целой эпохи, наконец (ведь не зря роман до сих пор жив!). Только вот именно теперь вдруг исчезает в моем сознании трагично-романтический флер той эпохи, «виной» которого был, пожалуй, блоковский «венчик из роз» Иисуса Христа... Оказывается, все более чем прозаично, по-обидному приземленно. И не великая идея и верность своим идеалам, а уже просто жестокость, злость, ревность и откровенная усталость руководят озверевшими, обезумевшими людьми. И на фоне ласковой, полусказочной манеры повествования эти безумства пугают еще откровеннее! Две женщины, два ангела проходят сквозь события романа — Вероника и Лада. Они единственные сохраняют веру, надежду и любовь. Они кажутся мне самыми теплыми и светлыми персонажами. А ведь они вдруг оказываются беззащитны перед неуправляемым напором событий и совершают страшные грехи прелюбодеяния и убийства... «Хорошего конца» ждать не приходится. Как, впрочем, и не было его на самом деле.

Людмила Бобровская,
Петр Бобровский
«На чужой стороне»

Перед нами — настоящие воспоминания очевидца тех страшному грандиозных событий. Петр Семенович Бобровский был в самой гуще знаменательных перемен. Он занимал важные посты Временного и Крымского правительств в 1917—1919 годах; он вынужден был покинуть страну в ноябре 1920 года с остатками Белой армии; он был на тяжком и неопределенном положении беженца в Хорватии. И, наконец, найдя приют в Праге, Петр Семенович был арестован органами НКВД и умер в тюрьме... на Родине! Книга состоит из двух частей; в первой Людмила Бобровская, внучка Петра Семеновича, делится с читателем своими воспоминаниями. Ведь она познакомилась с людьми, так или иначе присутствующими

в жизни ее деда и, надо сказать, сыгравшими по-своему важные роли в событиях прошлых лет... Мы узнаем кое-что и о семейной, личной жизни Бобровского. Его фигура, при всей своей исторической важности, предстает перед нами и со своей «человеческой» стороны: те же драмы, переживания, невзгоды. Только гораздо более грандиозные и по-масштабному более серьезные, чем наши современные проблемы. По большей части наши современники покидают родину в поисках лучшей жизни. Эмигранты же тех постреволюционных лет уехали в вечную и в горькую своей безысходностью ссылку для того, чтобы сохранить жизнь. Во второй части книги мы знакомимся с записками самого Петра Семеновича: подробный рассказ о последних днях белого Севастополя, невообразимая суматоха посадки на корабли под командованием Врангеля, отплытие к турецким берегам, тоскливые дни «на поселении»... По-моему, столь подробные воспоминания очевидца тех дней бесценны. Воспоминания меня интересовали всегда. Особенно, если касались они легендарных личностей, важнейших исторических событий. Прочитать факты можно в любом учебнике или исторической статье (теперь и в интернете). А вот подробные, живые описания настроения, душевного состояния, поведения людей в быту и даже предметов этого быта — только «по свидетельствам очевидцев». Именно эти свидетельства оживляют и делают на удивление близкими давно покинувших нас людей. Книгу очень удачно дополняют статья Бобровского о Тютчеве и любопытные фотографии.

Е. Б. Алтабаева
«Смутное время. Севастополь в 1917—1920 гг.»

После прочтения двух предыдущих книг у меня появилось множество вопросов чисто исторического характера... И вот перед нами учебное пособие, охватывающее в деталях события эпохи Гражданской войны. Эпицентр — Севастополь. Безумные годы двоевластия, нескончаемой войны, голода, потерь... А также, как и на любой исторической арене, время подвигов и героев. Честно сказать, в истории тех лет я несильна. Можно, конечно, сослаться на школьные учебники просоветского толка, которые еще не успели переписать к тому моменту, когда я училась в старших классах... Труд Алтабаевой мне кажется вполне достойным пособием не только для учащихся, но и для всех интересующихся этой темой. События тогда сменяли друг друга чуть ли не ежедневно; города и деревни переходили то к белым, то к красным; банды «зеленых» наводили дрожь на простых жителей. Немудрено запутаться в датах, именах, партийных принадлежностях — лихое было время, одним словом. Чтение захватило меня полностью, ведь наконец-то я могу прояснить для себя логическую череду любопытных мне событий, о которых, к стыду своему, очень мало знаю. Учебник очень доходчиво и, кажется, вполне нейтрально, знакомит нас с ходом исторических событий, избегая лишних деталей. На каждой странице — фотографии, портреты, краткие справки и комментарии.

Постоянная ведущая рубрики — Ольга Сидорова

Обзор исторической литературы

А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин
«Без победителей. Из истории
Гражданской войны в Крыму»

Книга братьев Зарубиных, изданная в 2008 году в Симферополе в издательстве «Антиква», оформлена знаменитым плакатом Лазаря Лисицкого «Клином красным...». Пожалуй, в контексте того, что книга посвящена изучению гражданской войны как феномена порока человеческой психики, такая картинка весьма уместна. Данный плакат напоминает карту военных действий, на которой четко показано, что нужно делать и кто в итоге победит. Правда, само название нейтрализует эту художественную агрессию.

Гражданская война, по наблюдению авторов, не существовала только при первобытнообщинном строе. С появлением социума появилась обязательная дихотомия «свой—чужой»: «кто не с нами, тот против нас» — а следовательно, подлежит порабощению или истреблению, и война быстро наполнилась социальным содержанием. Практически ни один народ, ни одно государство не сумели избежать гражданской войны. И ни настоящее, ни будущее нас не обнадеживают. Но, учитывая это, мы приближаемся к осознанию того факта, что любая гражданская война — запутанный клубок, в котором непросто обнаружить начало и конец. Клубок интересов, где, исчерпав или не признавая иные аргументы, хватаются за винтовку, как известно, приносящую власть.

Среди причин рассматривается, в первую очередь, экономика, конфликт «сытые — голодные», стремление уничтожить конкурента, добиться возможности диктовать и манипулировать, получить свою долю участия во власти. По форме гражданская война — это насилие. Это неумение и нежелание решать конфликты средствами, приличествующими разумному существу, то есть путем компромиссов, здравых, не продиктованных тупыми эмоциями, амбициями решений.

Насилие, подстегиваемое взаимной ксенофобией «красных» и «золотопогонников», широко развивается в годы Гражданской войны 1917—20 годов и принимает чудовищные формы: повальные казни как на фронте, так и в тылу, убийства и погромы, концлагеря, заложники, трудовые мобилизации — то, что в совокупности именуется массовым террором, устрашением. Подкреплено цитатой философа А. Ф. Лосева: «Не существует такого гиперболизма, такого сумасбродства и такого безобразия, для которых в истории не нашлось бы самых принципиальных последователей и сторонников, самых отъявленных фанатиков, готовых приносить в жертву подобным идеям и свою собственную жизнь, и жизнь всякого другого человека...».

Настоящая работа написана на основе архивных материалов, периодики и мемуаров.

Второе переиздание. Тираж 800 экземпляров. Библиографическая редкость.

С. В. Костюченко, С. П. Лесдорф,
Е. П. Попова
«Фрагменты живописного полотна
панорамы Ф. А. Рубо
„Штурм 6 июня 1855 г.“»

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя выпустил в свет в 2009 году альбом, посвященный одной из культурных достопримечательностей города Севастополя — живописному полотну работы Ф. А. Рубо, размещенному в панораме. В альбоме представлен полный каталог из 37 фрагментов полотна художника, 20 этюдов и пяти эскизов. Это уникальная информация впервые представлена так полно любителям живописи и широкому кругу читателей, ведь только некоторые оригиналы Рубо можно было увидеть на выставках, а большинство из них 55 лет находилось в фондовом хранилище, поскольку для экспонирования в Севастополе не было соответствующих площадей. Авторы уделили внимание искусствоведческому и историческому анализу, в книге представлены многие документы, открытки, семейные фотографии художника, а также обращение его внучки Сильвии Рубо из Мюнхена.

Тираж 700 экземпляров. Библиографическая редкость.

В. В. Крестьянников,
Н. М. Терещук
«Варфоломеевские ночи
в Севастополе. Декабрь
1917 — февраль 1918 гг.
Документы и материалы»

Государственный комитет архивов Украины, Севастопольская госадминистрация и госархив Севастополя издали в 2009 году сборник документов, которые освящают события на Черноморском флоте и в городе Севастополе в период Октябрьского переворота и Гражданской войны. Шаг за шагом и день за днем с помощью газетных сообщений, строк протоколов допросов, постановлений, докладных, прошений жен арестованных, донесений создается картина этих дней. Открываю страницу наугад и цитирую: «Из протеста граждан Севастополя против самодуров. Кровавый туман стоит над Севастополем — безумие и ужас воцарились в нем. Десятки наших сограждан арестованы и брошены в тюрьму. Немалая часть их уже расстреляна без следствия, без суда, даже без предъявления каких бы то ни было обвинений. В революционном Севастополе граждан казнят сейчас так же, как в царское время, даже более просто и бесцеремонно — казнят самосудом. Это оскорбление революции, это позор для нее, это гибель ее, так как это может оттолкнуть от нее массы. У нас нет физических сил для борьбы с этим преступлением. Но мы не можем и мириться с ним, не можем молчать уже потому, что молчание делает нас соучастниками».

Книга издана для внутреннего пользования. Тираж 100 экземпляров. Библиографическая редкость.

Александр Блок

* * *

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

1914

Марина Цветаева

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.

Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!
В чертову дюжину — календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!

Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит — расу:
Черная кость — Белую кость.

Москва, 9 марта 1918 г.
первый день весны.

Дон

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое — твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

11 марта 1918 г.

С Новым Годом, Лебединый Стан!
Славные обломки!
С Новым Годом — по чужим местам —
Воины с котомкой!

С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом — битая — в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле — и вся земля
Песнию заздравной.
Это, Игорь, — Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
— Брат мой! — Князь мой! — Сын мой!
— С Новым Годом, молодая Русь
За морем за синим!

Москва, 31 русск. декабря 1920 г.

Николай Туроверов

Из поэмы «Перекоп»

Родному Атаманскому полку

...Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипели воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак...

.....
Забить ли, как на снеге сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промерзший солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа,
И кровью залитый сугроб...

.....
О милом крае, о родимом
Звенела песня казака
И гнал и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спешу, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржет печально верный друг.

1925

* * *

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
И запомнил и помню донныне
Наш последний российский ночлег,
Эти звезды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег,
Стерегло нас последнее горе, —
после снежных татарских полей, —
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.

1931

Николай Келин

* * *

Их брали тысячами в плен
И на морозе раздевали,
На лицах их я видел тлен,
И очи, полные печали.

Как стадо загнанных зверей,
Метались эти люди-тени,
Под тяжкий рокот батарей
Дрожали зыбкие колени.

И я на них глядел сквозь явь
Морозных сумерек России,
И думал — Боже, не оставь
Детей своих в часы глухие.

* * *

Нахмурилось синее море,
Насупилась страшная высь,
С мятежными бурями споря,
Валы набегают на мыс.

Качают тяжелые волны
В изгнание бегущую Русь...
На Север тревогою полный
Едва ли когда я вернусь.

Вдали ни любви, ни привета...
Навстречу лихая судьба.
Пойдет по широкому свету,
Как встарь, бедовать голытьба.

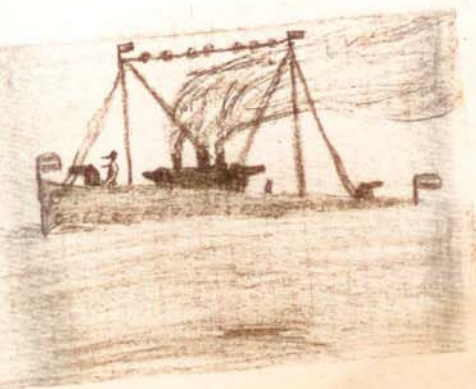
Раскинет шатры на задворках
Холодных, чужих городов,
И будет упорно и зорко
Следить за врагом из углов.

В смердящих потемках подвалов
Прольет свою терпкую грусть,
И вспомнит, как скупое и мало
Она берегла свою Русь...

Подборку составила Анастасия Копришова

русская и...
 ла узнала...
 та русская...
 зно она называ...
 Моравской
 жесловой.

Дети русской эмиграции

Двенадцатого декабря 1923 года в самой большой русской эмигрантской средней школе — русской гимназии в Моравской Тржебове — по инициативе директора А. П. Петрова были отменены два смежных урока, и всем пятистам учащимся предложили написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 года до поступления в гимназию». Каждый волен был писать, что хотел. Затем подобные сочинения написали ученики русских школ в других странах, всего к 1 марта 1925 года скопилось 2403 сочинения. Опубликованные в отрывках детские воспоминания, имеющие исключительную историческую и психологическую ценность, потрясли и буквально всколыхнули всю русскую эмиграцию. Но полностью они вышли только спустя почти 70 лет, в 1997 году. Не жалея красок, лишенные детства авторы описывают смерть близких, голод, бегство с Родины — и так же искренне благодарят судьбу за спасение. Публикуем ниже отрывки из этих сочинений.

Мальчик, 15 лет
18 марта 1924 года

Я жил в селе Каменском близ города Екатеринослава. В это время началась революция. В одно прекрасное утро все вышли на улицу посмотреть на проходивших мимо солдат. Солдаты остановились перед зданием правления, на котором развевался трехцветный флаг. Один из офицеров приказал солдату снять его и на его место водрузить красное знамя. Когда флаг сняли, то его привязали к хвосту лошади одного солдата, который должен был ездить с ним по городу.

Железняк Б., 4 класс
12 декабря 1923 года

...Из Петрограда мы, то есть я, брат и мама, бежали в Севастополь, там мы поселились в пустых казармах русских матросов, средств у нас не было, приходилось таскать уголь, минимум полчаса, в пекарню, чтобы получить пол черного, с отрубями, хлеба. Скоро мама получила место учительницы русского языка и русской истории в первых трех классах во II реальном училище. Теперь условия стали лучше, я с братом стал посещать классы, но это продолжалось недолго, и из Севастополя пришлось бежать в Новороссийск. В Новороссийске жизнь была еще хуже, пришлось поселиться на чердаке дома городской управы, но условия скоро изменились благодаря тому, что в этом же городе находились наши родные (мамина сестра с мужем), но и это было недолго, скоро нам пришлось бежать в Константинополь.

Городов А.
12 декабря 1923 года

...Жизнь стала какая-то серенькая. Потом севастопольские кошмары, всевозможные выступления, недостаток продуктов и долгие стоянки в очередях. Все это заставило жителя, в том числе и нас, съежиться, углубиться в самого себя и с тоской думать о прошлых днях. Но вот новая картинка. Тихая лунная крымская ночь. Однообразная дорога, впереди видны огоньки какой-то деревушки. Мерный конский топот, отрывки отдельной команды. Это наш эскадрон вытянулся на дороге. Да, мне как-то странно. Я, недавний гимназист, кроме книг и своих отметок ничего не знав-

ший, сижу верхом на лошади. Вместо карандаша и ручки — пика и шашка. Все это как-то ново.

Сколько воды утекло. Вспоминается мой отъезд из дома. Быстрые сборы. Вся наша семья разъезжалась в разные места. Звуки выстрелов вывели меня из моего размышления. Я прищипил коня, ибо, замечтавшись, незаметно отстал от нашего эскадрона. Через четверть часа я уже ни о чем не думал. Мы рассыпались в лесу и куда-то помчались. Сегодня наш эскадрон в деле. Но вот картина другая. Крик, шум, раздаются свистки. Все куда-то торопятся, спешат. Взвилась ракета. Небо звездное, и все звездочки отражаются в море. Хорошо на море, недалеко стоят какие-то громадные массы — это пароходы. Скоро они должны поглотить нас и увезти куда-то очень далеко.

Коваленко С.
12 декабря 1923 года

...В ужасном потоке русской крови 18-го года потекла кровь моего отца. Смерть моего отца пробудила меня от детской спячки, и я сознательно посмотрел на то, что творится. Тогда я присмотрелся к большевикам и их действиям. И тогда в моей душе звуки Марсельезы закончились ужасающим аккордом. Наконец большевиков не стало в нашем районе. Пришла Добровольческая армия. Представилась возможность свободно вздохнуть. Но эта свобода продолжалась недолго. Поведение интеллигенции в тылу, плюс агитация большевиков — все это в общей сложности привело к разрушению фронта, который начал гигантскими шагами отодвигаться от Орла все дальше и дальше на юг. С отходящим фронтом мне пришлось познакомиться с гражданской войной в достаточной мере.

1919 года с 27-го на 28-е октября у города Бердянска наша часть была отрезана махновцами. Много ужасных было смертей. Мне пришлось пребывать в воде полтора часа. И все-таки, правда, в нижнем белье, мне удалось спастись. Бросив фронт, поступил в корпус с целью продолжения образования, но учиться почти не пришлось. Корпус эвакуировался, но я заболел тифом, в числе нескольких кадет, и вместе со всеми не мог уехать. Лишь только в 1920 году, в марте месяце, я ставил Феодосийский порт и в апреле был на острове Кипр. На Кипре пришлось перенести массу болезней, но зато я видел все историческое древ-

Шапиро В., 4 класс

12 декабря 1923 года

Новороссийск, <19>21 год.

До поступления в эту гимназию я все время жил на корабле «Корнилов» с отцом, который там служил старшим механиком. Мне особенно запомнился случай из моей жизни при отступлении из Новороссийска. ...Утром никто и подумать не мог бы, что сегодня придется отступать, все было спокойно, немного начал дуть «норд-ост», и вдруг, к часам 10 утра, в городе разнеслись слухи, что большевики идут, перестрелок не было слышно, казалось, что сегодня нельзя ожидать отступления. «Корнилов» стоял на рейде, сажений в 200 от берега. Публика толпами тянулась к пристани с узлами, человек 10 матросов с «Корнилова» поехали грабить город, и к часам одиннадцати дня началась перестрелка, но большевиков видно не было, это производилась чистка города, то есть кругом производились налеты. ...«Корнилов» стал подходить к пристани. Не успел он подойти, как начал валить народ, но у трапа стали 4 матроса, которые никого не пускали, отец послал меня на берег позвать знакомого офицера и дал мне моторку, потому что берег был полон народу и пробраться было трудно; отъехав от «Корнилова», я пристал к пристани и стал пробираться сквозь толпу, придя в дом к тому офицеру, я его не застал дома и узнал от хозяйки, что он пошел на «Корнилов», тогда я пошел обратно. Долго мне пришлось пробираться к пристани, пока я добрался до лодки, было уже около 9 часов вечера, только что я слез в лодку, которую с пристани видно не было, как вслед за мною прыгнул какой-то человек. Я стал его прогонять, но ничего не выходило, тогда я решил, что, когда подъеду к «Корнилову», его прогонят, но он начал меня выгонять, говоря, что это его лодка, тогда я завел мотор и скорей поехал по направлению «Корнилова». Когда мы стали подъезжать, то человек, сидевший со мной, обрадовался, он не знал, что я могу управлять моторкой. Когда подошли к «Корнилову», лодку подняли блоками на корабль, а того человека выкинули за борт, он, очевидно, утонул, потому что было холодно и темно. Я скорей пробрался на мостик, там было только 2 матроса, а остальная часть корабля была полна народу. Вдруг загорелись несколько пакгаузов и осветили пристань, кругом в городе начались пожары, стрельба была отчаянная, но стреляли не люди, а горевшие склады, которые привел «Корнилов» и другие корабли, на пристани не успевшие погрузиться расстреливали лошадей, многие лошади, нерасстрелянные, бегали, давили людей, шум был ужасный, слышно ничего не было. Наконец капитан приказал рубить концы, и пароход медленно направился из Новороссийска.

Мальчик, 2 класс

18 марта 1924 года

Я помню, как мы выезжали из России. Мы были в гавани Севастополя. Пароход, на котором мы выезжали, назывался «Жан». Он был итальянский. Нас высылали большевики. И на «Жане» стоял красноармеец-часовой. Наконец наш пароход снялся. Это был торговый пароход. Было пасмурное утро. Пароход наш шел довольно быстро. Свистела сирена, и казалось, что не пароход идет, а берега. На следующее утро не видно было берега. В воде ныряли дельфины. Вскоре после кофея я вышел на палубу. Капитан стоял с ружьем и стрелял в дельфинов, но все промахивался и, наконец, попал. Вода окрасилась кровью дельфина, и его понесло течением.

Наконец на третий день показался берег; к вечеру мы пристали. То место называлось «Кавака». Мы пять дней держали карантин. А потом приехали в Константинополь, оттуда переправились на берег. На берегу были люди всех наций. Турки, англичане, итальянцы, французы и негры сновали на берегу. Эта часть города называлась «Галата».

Мы стали жить в русском общежитии, где я подружился с одним мальчиком моих лет. Я с папой осматривал город. Был в Ай-*<*я>-Софии и ездил к знакомым за город. Там я поймал сачком морскую звезду, которую и высушил дома. В доме у нас жило страшно много кошек, которые устраивали ночью концерт. Про-

нее. И Кипр оставил у меня массу воспоминаний. В конце 20-го года я оставил Кипр и приехал в Египет, в гор<од> Измаилию, где находился наш корпус.

За время моего пребывания в Египте мне приходилось в Иерусалиме видеть все святые места, был в Каире на пирамидах и, вообще, пришлось основательно познакомиться с древностями Египта.

В 1922 году в мае я был в Болгарии в гор<оде> Варне. В октябре месяце поступил в Шуменскую русскую гимназию, а в 1923 году, июнь м<есяц>, последнюю оставил и приехал в Тржебовскую.

Юноша, 19 лет

18 марта 1924 года

...Наконец выбросил меня этот бешеный шквал в когда-то чудный и прекрасный, а теперь в злой и неопытный Крым. Четырехмесячное пребывание на фронте сделало меня совершенно взрослым и, как ни странно, спокойным и ровным человеком. Смерть не пугала меня, и нервы стали подобны корабельным канатам, но чувство, злое чувство против всех, заставляло присматриваться ближе ко всему и распознавать жизнь. Роковой конец близился, наши, не понимающие важности происшедших событий, войска неуклонно влезали в Крымскую «бутылку» и подходили все ближе и ближе к берегу Черного моря. Безобразные и отвратительные картины грабежа и насилий сопровождали нас повсюду; отступали люди, которым, как говорили, «терять было нечего», и наши «сиятельные» идеи были погребены под грязью гражданской войны.

Живо я помню мой день расставания с Родиной. Шумело грозно море, толпились на пристани жалкие продрогшие люди, где-то слышались пьяные голоса и отдаленные выстрелы и, как будто в насмешку, над всем этим трепыхались лоскутки трехцветного флага. На душе было гадко и противно, сознание чего-то неисполненного мучило совесть. Стоял я неуклюжей фигурой в зеленой английской шинели с винтовкой за плечами на мостике нашего миноносца, и крымский берег все более суживающейся полосой виднелся впереди. Я покидал Россию, покидал надолго и горький, соленый вкус слез почувствовал на своих губах. «Прощай, — думал я, — прощай, моя дорогая, милая Родина, сделавшая из меня верного и искренне-го сына России».

жил я там три месяца, и мне было очень жалко уезжать. Но, наконец, пришлось. Мы сели на поезд и отъехали. Скоро идет поезд, я смотрю в окно вагона, наконец, становится не видно моря, и вместо него болота, в которых я видел аиста. В поле бегают суслики, нигде не видно распаханых мест.

Наконец мы подъехали к городу Сан-Стефано. В полях стали попадаться черепахи, становится холодно, кругом горы, покрытые лесом. Уже Болгария, вдали виднеется София, столица Болгарии. Поезд приближается все ближе и ближе, и, наконец, подъехали к Софии, где побыли три дня; затем без остановок приехали в Прагу, где я поступил в гимназию.

Юноша, 19 лет

18 марта 1924 года

...Красота Крыма и Кавказа, волшебная панорама Константинополя не могли особенно захватить меня и произвести на меня надлежащее впечатление. Личные житейские переживания оттесняли все это на задний план. Мы находились тогда в таких условиях, в которых люди черствеют, грубеют и теряют способность воспринимать красоты природы.

Затем следуют 4 года жизни за границей. За эти годы пришлось увидеть массу новых мест, побывать в семи различных государствах, зарабатывать себе средства к существованию на разных работах.

На пребывание в Праге, где я получил возможность продолжать свое прерванное в России образование, приходится смотреть как на временную передышку, за которой опять наступит период скитаний, неизбежных для большинства русских эмигрантов...

Цуканов Г.

12 декабря 1923 года

...Приехав в Константинополь, стали на рейд и простояли приблизительно месяц. От трюмного житья люди стали похожи на зверей, которых еще вдобавок заедали насекомые.

Транспорт был выгружен в Стамбуле, и наш караул отправился обратно в училище на «Мечту». Вскоре мы выгружались в Галлиполи, была осень, шли дожди, и приходилось спать на земле, так как палаток еще не было. Голод, холод, слякоть и многое другое, о чем не приходится и писать. Наш лагерь расположили в 7 верстах от города, в долине «Роз и смерти», так называли ее англичане, которые не выносили лихорадки, укусов змей и скорпионов, которых здесь было множество. То, что здесь пришлось пережить, трудно описать пером.

Елагина Т.

...Воспоминания о всем прошедшем теперь не так тяжелы, как были те переживания в те минуты и в тех случаях. Часто-часто я вспоминаю все и скажу, что все же Бог нас миловал, что мы спасены, а могло быть значительно хуже. И это всегда является успокоением. Да, конечно, могло быть и хуже.

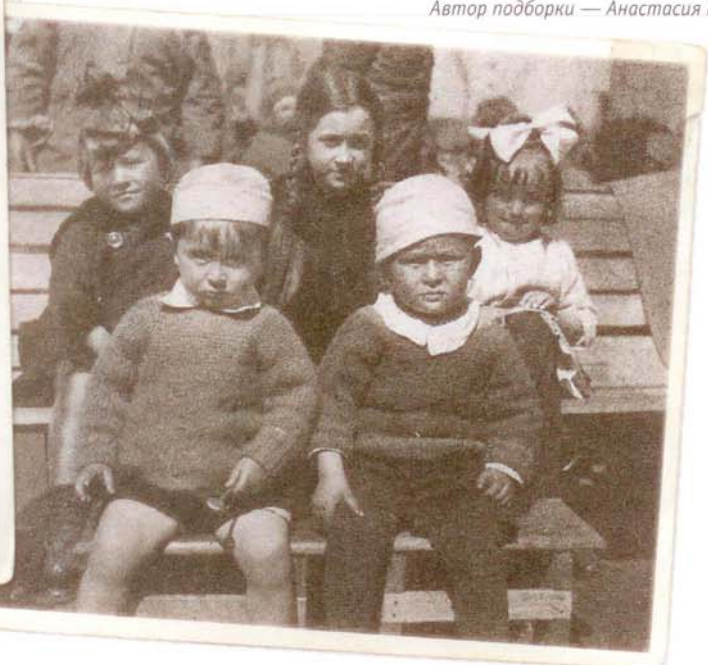
Каченко Т., 6 класс

12 декабря 1923 года

Трудно привыкнуть к ученической жизни после пятилетнего скитания. Но с Божьей помощью я перешел в 6-й класс, где принялся за учение, хотя трудно, но я придерживаюсь пословицы: «Ученье свет, неученье тьма». Здесь я уже могу отдохнуть и продолжать свое учение. До сих пор Бог не оставил меня, надеюсь, что дальше Он будет помогать мне. Как грустно вспоминать свою жизнь: она еще коротка, но сколько всяких лишений и огорчений она встретила на своем пути!.. В Чехии надеюсь, если будет возможно, кончить гимназию, поступить в высшее учебное заведение, чтобы выйти образованным человеком и помочь своей Родине в ее подняттии, как в культурном, так и в хозяйственном отношениях. Надеюсь быть полезным человеком для государства. Чехам же никогда не забуду их гостеприимство и их материальную помощь русской молодежи. Чехи не дали погибнуть русской культуре. Надеюсь, что русские, в свою очередь, будут с благодарностью помогать своей сестре Чехии. Лично же я буду стремиться к тому, чтобы хотя чем-нибудь помочь чехам. Да здравствуют славянские народы и братский союз.

По материалам книги «Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники», М., «Терра», 1997.

Автор подборки — Анастасия Копршилова

30

ноября

19:30

РУДОЛЬФИНУМ

Зал Дворжака nám. Jana Palacha 1

CONCERTO ARTISTS
представляет

В РАМКАХ
МИРОВОГО
ТУРНЕ

ФРИДЕРИК ШОПЕН

к 200-летию со дня рождения

Программа
“СОКРОВИЩА”

*Полонезы Ноктюрны
Мазурки Баркарола Этюды*

ВАЗГЕН

ВАРТАНЯН

ФОРТЕПИАНО

Билеты в продаже: в кассе Рудольфинум и в местах продаж **TICKETSTREAM**

Главный партнер
GENERALI
Pojišťovna

Партнеры
CONCERTO TRAVEL
travel with us

FLASHSTYLE.CZ
advertising agency

Медиа-партнеры
classicalfm 98.7
РУССКОЕ СЛОВО

Театр DIVADLO 90: U Valšů

В субботу
18-го
декабря

Премьера спектакля

ЮМОРА

знаменитого русского
писателя-юмориста

В субботу
18-го
декабря

Аркадия Аверченко

«РУССКИЕ ЛЮДИ»

Постановка известных деятелей театра:
госпожи режиссера **ЯСИНСКОЙ**, госпожи сценографа **АСТАШИНОЙ**
и господина хореографа **КОЛЬВА**

Пьеса написана по рассказам Аркадия Аверченко, русского писателя-эмигранта, жившего и похороненного в Праге. Спектакль поставлен при старании общества «Русская традиция» на деньги министерства просвещения ЧР.

Артисты театра:

Илья Жербер, Татьяна Елезова, Александр Российченко, Варинэ Мкртчян, Ева Добушева, Андрей Лысков, Жорж Васильев, Юлия Ильяшенко, Наталия Покудова, Мария Бондаренко, Дмитрий Шарандин, Мария Куренкова, Анастасия Краснова, Анна Вострикова, Полина Понюхина, Франческо Зонн, Ксения Гореева.

Начало ровно в 5 часов вечера

Цены мест: кресло 150 крон, стоять 100 крон, студенческие 50 крон

Билеты ежедневно продаются в кассе: DIVADLO 90: U Valšů
Karolíny Světlé 18, Praha 1 — Dům PORTUS
Касса открыта в рабочие дни с 8.00 до 15.30 и за час до начала представления.
Заказ билетов по адресу: rezervace@divadlo90.cz
Телефон кассы: 222 333 555

Импрессарио **И. Золотарев**

Кинооператор **В. Муратов**